

Лыскина любовь

Владимир Чёркин

18+

Владимир Петрович Чёркин

Лыскина любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71969887

SelfPub; 2025

Аннотация

В данной книге автор снова обращается к жизни российского села с его

горестями, проблемами, сложными жизненными ситуациями.

С большой любовью, интересными, точно обработанными деталями автор

пишет о лошадях – «братьях наших меньших» – как о хороших и добрых

друзьях. Этим животным, по мнению автора, так же, как и людям, присуще

переживать, любить, страдать и радоваться. Но далеко не всегда судьба

благоволит этим прекрасным существам. Впрочем, как и людям...

Владимир Чёркин

Лыскина любовь

ЛЫСКИНА ЛЮБОВЬ

Лыска – это старая, отработавшая свой век лошадь. Шерсть у неё жёлтого цвета, грива и хвост – русые, посечённые. Из-под чёлки вниз к носу спускается полоса наподобие белой ленты. Удлинённые ноздри похожи на человеческие уши. При фырканье она раздувает их, и кажется, что на нос ей падают большие чёрные очки газосварщика.

Жила Лыска на клиновидном клочке земли, что образовала Волга и её усынок. Не бедна была природа, где она кормилась. Житняк рос кулижками, голубой кучерявой дымкой покрывала луг полынь, ещё не цветущая, а меж неё торчал иглами пожухлый ковыль. Возле дороги, к пляжу, рос подорожник большой, разложив листья, похожие цветом на полосатые арбузики. В стороне лягушачьими любопытными глазами смотрел на мир спорыш, в низинках, ближе к Волге, кистями винограда зацвёл горец почечуйный. Слово зелёными сосновыми шишками, увесил кустарник хмель. Коегде, в пойме усынка, подсолнухом розовым цвела валерьянка. В заливных местах выделялся розовой морской звездой золототысячник зонтичный. В кустарнике, словно цветочная капуста, угнездились на бузине чёрной её цветы. На сыром

месте маленькими сосенками рос хвощ полевой, кучными грибами ложного опёнка держала на тонких ножках на своём стволе цветы пижма обыкновенная. Попадался, хотя и редко, на этом участке татарник поникший, светя огромными красновато-фиолетовыми мячиками. По глинистым берегам росла мать-и-мачеха, лопушась своими листьями, лохматилась зелень стебля беловато-серым липучим налётом. Словно гусиные перья, выбрасывал из ствола листья тысячелистник обыкновенный, держа наверху зонтики цветов. Ромашка, словно угадывая желание влюблённых, цвела в июне, похожая на яичницу – белую с жёлтыми сердцевинами. Чёрными и розовыми, фиолетовыми колокольчиками будто звенела медуница – возле кустарника, у воды, словно рыбак выставил там сторожевые колокольчики. Вырвешь цветок из колоколовидного гнезда, откусишь беловатый кончик – и тут же полость рта наполняется сладким медвяным вкусом. Рядом, похожий на медуницу пурпурно-фиолетовыми цветками, растёт орешник лекарственный. Недалеко зацвёл девясил высокий, усыпав всё вокруг ананасовыми коробочками. Как будто зелёными рогами прободав землю, потянулись к солнцу зачатки других побегов. Сине-фиолетовыми маленькими птичками облепили стебель цветы борца высокого.

Одиноко стоят груши, зеленея лампочками незрелых плодов. Растут здесь и дикие яблони, вокруг – трава с чечевичными листьями, название которой никто не знал. Говорили, что, засохнув, она хорошо горит. Возле домиков также

зеленела мурава.

Лыска не роптала на свою судьбу. Летом жевала траву своим почти беззубым ртом. Остался лишь один зуб, но он раскрошился и только мешал ей есть. У бедняги болели от холода и сырости ноги, потому она не любила воду. На старости лет никогда не купалась, хотя жила рядом с заливом. Грустная, часто стояла, смотрела на воду и думала: «Вот бы, как в молодости, переплыть через реку». На том берегу манила её своей зеленью люцерна. Дурманящий запах бил ей в ноздри. Она фырчала, трепетала губами, роняя с них капли слюны. «Нет, не поплыву, кости потом будет ломить. Лучше я поем похуже траву, но побольше. Затем подремлю, стоя в тени, а то и позволю себе прилечь», – думала лошадь. Эту роскошь она позволяла себе редко. Ложилась со стоном от боли в теле, а утром не менее тяжёлым для неё был подъем.

Её постоянно мучило ощущение голода. Беззубый рот не так быстро, как в молодости, наполнял живот. Иногда она даже сердилась на своё брюхо, раздражённо пеняла ему: «Утроба ты ненасытная, всю жизнь я на тебя работала, гнула хребет, носила хомут на шее, получала по заду кнутом, тащила в оглоблях тяжёлые возы, упираясь своими больными ногами, а теперь уже не в силах тебя кормить». Но, как только она выполняла свою угрозу, так чувствовала, как от голода слабеет, и тут же нарушала свой запрет.

Зимой Лыска промышляла, была добытчицей. Своими больными ногами она не могла разгрести снег и щипать под

ним траву, поэтому пыталась прорваться к скирдам на селе. Но её гнали прочь, обзывали «старой клячей», говорили: «Чтоб ты сдохла, никому не нужная!», и т. д. Она взвизгивала, будто понимая оскорбления, прижимала уши и пыталась припугнуть людей. Но у них было одно страшное оружие. Лыска познала его ещё в молодости, когда ей делали укол, загнав в клеть. Для этого конюх припирал её к стенке вилами, помогая ветврачу. Лыска пятилась назад, но привязь не пускала её. И она дёргалась, чувствуя, как в ягодичцы упираются сразу четыре иглы. Но потом стояла смирно. А по окончании убегала побыстрее куда-нибудь подальше. Хотела быть в табуне. Но лошади били её, кусали, не давали есть. А долженствующий следить за порядком жеребец не обращал на это внимания. Иногда он подходил, обнюхивал её. Подымал верхнюю губу, обнажая свои мощные зубы. Он пытался унюхать в ней хотя бы долю тех запахов, из-за которых он позволял кобылам в табуне делать, что хошь, занимаясь с ними лошадиной любовью по два-три дня. Правда, Лыску защищал старый мерин-тяжеловоз. Он молча становился между ней и лошадьми. Все затихали. Но другие лошади быстро выщипывали траву, так что Лыске почти ничего не доставалось. И она уходила из табуна. Брела по глубокому снегу в поле. Там, в омётах, насыщалась столько, сколько душе заблагорассудится. Домой возвращалась уже к ночи. Стояла, дремала. Её родные дети и внуки жаловались.

– Мой-то хозяин зол был! – сообщала одна лошадь. – Все

губы мне удилами порвал.

– С чего это он так? – испуганно спрашивала её другая.

– Мало, видать, выпил. И денег нет: займы не дают, потому что занимает, а потом не отдаёт. А выпить охота. Вот и жалуется мне: «Ты, лошадка, должна понять – всё нутро у меня дрожит, похмелиться надо. А эти стервозы денег не дают!» Да так рванёт с досады за удила, что зубы во рту крошатся от мусата. Даже заставляет при людях на дыбы вставать – повернуться на задних ногах, покрасоваться и скакать во весь опор. Так и мечешься, пока он где-нибудь не хлебнёт своей вонючей водички. Тогда он, довольный, поёт: «Вот птичка в небе летает, суслик свистит, а стебель татарника колючий, как моя жена...»

– Это ещё ничего, – перебивала её третья лошадка. – Я вот все коленки себе изодрала. Поташила я телегу под горку, она на меня накатывается, все задние ноги отбила передком. Хомут на горло давит, душит, а хозяин не понимает, что чересседельник сильно затянут и хомут высоко поднят. Хорошо, что он лопнул. Но хозяин стал бить меня кнутом, кричать. Я дёргаюсь, но никак не могу воз сдвинуть. Он берёт навильник, на меня наводит. Я взмолилась. Упала на колени, думаю, пожалеет. Чувствую, что на коленях легче мне стало тащить. Так на них и вытащила воз. Но всю шкуру на коленях ободрала. Потом хозяин подошёл ко мне, хотела я его укусить, уши сложила, а он так ласково погладил меня по голове, по шее, лбом ко лбу моему прислонился и шепчет:

«Умница ты моя, старательная...»

Слушая их, Лыска думала с упрёком: «Эх, молодёжь, у вас есть бесценный дар – молодость. Да будь я молодой, как вы, разве б я думала об этих ранах? Ведь я тоже была молодая и помню, как впервые допустили в наш табун молодого жеребца-тяжеловоза. Я подбежала к нему. А он с радостным ржанием приветствовал меня, кивая головой. Потом положил мне голову на шею и прошептал: «Ты моя милая лунная лошадка, я сразу в тебя влюбился». Так он звал меня потом всю жизнь. Мы мечтали, что будем вместе, он будет любить только меня, а я его. И от этой мысли любой труд мне был нипочём».

К Лыске подошёл мерин-тяжеловоз, лёг рядом. Она ласково глянула на него. Это был тот самый её защитник – мерин, которого она обожала. А сама продолжала вспоминать о своей первой любви. Как никогда ясно ей представилось, как её возлюбленный, молодой жеребец, едва признавшись ей в любви, сразу же захотел обладать ею. Но она, обидевшись, ударила его копытами, ибо он захотел обладать ею без её желания. Жеребец поспешил отойти и, пощипывая травку, молча наблюдал за ней. Впрочем, она быстро остыла, раскусив так: «Ну и пусть! Всё равно я буду его когда-нибудь. А сейчас пусть посмотрит, какая я!» И, подняв хвост трубой, призывно-маняще заржала, дразня его. Как бы говоря этим: «Смотри, какая я красивая, шерсть у меня такая, словно луна облила меня своим светом, а грива и хвост – белые. А ноги

какие сильные и красивые!» Она вставала на дыбы, поджимала кокетливо передние ноги, переступала на задних, поворачиваясь вокруг. Потом так носилась среди табуна, что табунщики говорили:

– Ишь, как разыгралась наша красавица! Надо бы её угомонить. А то эта шаловливая чего доброго сама покалечится или жеребят побьёт. Давай её немного проучим!

И один из табунщиков кинулся вдогон.

– Гони её по кругу. Вдвоём, посменно мы ей всыплем! – кричал ему другой.

Она видела краем глаза, как табунщик на хрипящем скакуне заходит сбоку, и побежала по кругу. Но её уже настигал табунщик. «Пусть, – думала она, – пускай потешится, ведь я бегу не в полную силу!» Но, как только он замахивался кнутом, она пускалась во всю прыть и быстро уходила от них. Они часто менялись: то один гнал, то другой. Но их кони уставали быстро. Это были мерины, которые только и делали, что носили на своих хребтах седоков да грызли траву. Она быстро уморила обоих коньков. И слышала, как один табунщик говорил другому:

– Сильна кобылка, красива, стервоза! А резвая какая! Мой мерин идёт наметом, она подпускает его. Но только я махну кнутом, она быстро, как стрела из лука, улетает. Сбе-речь бы её надо, на скачках будет мировые призы брать.

Но ей было всё равно, лишь бы было где бегать да чтоб с ней был конёк. Они друг в друге души не чаяли. И она за его

могучей грудью была, как за стеной. Правда, он нетерпелив в любви, спешит. Но ничего, подождёт...

А тяжеловоз тоже вспоминал. Их долго держали отдельно от кобылиц в табуне. Он был самый высокий, самый сильный и скоро должен был стать жеребцом, в то время как его одногодки уже были меринами. Их уводили по одному надолго, а потом они возвращались. Хвастались своим мужеством, что их пытали, но они переносили боль между задних ног без стона. Потом они куда-то исчезали, а он бегал жеребцом.

Но однажды его пустили в табун. Там он встретил свою милую Лунную лошадку. Он стал её так звать, хотя все называли её Лыской. Но для него она была всем. Он всегда с надеждой и любопытством смотрел на неё. И когда увидел её бегущей, сразу побежал к ней, а она к нему. Он нежно и призывно заржал, она ответила ему тем же. Они положили головы на шею друг друга, и он сразу признался ей в любви. Но он был нетерпелив, ему очень хотелось, чтоб она была его, и коротким ржанием сказал ей об этом.

– погоди, мой нетерпеливый, – ответила она, – я ещё не созрела для этого.

Кровь ударила ему в голову, всё в нём напряглось, каждая мышца, даже уши, и те вздыбились. Призывным ржанием, почти гоготанием он снова потребовал от неё покорности. Она не послушалась его и даже с визгом ударила задними копытами. Он отошёл от неё. О, если б он тогда повременил! Он бы любил её, а она его. А потом будь что будет, он бы всё

отдал, лишь бы раз её любить.

Табунщики тоже наблюдали за ними.

– О, смотри! Наша игрунья уже хочет покрыться, – смеясь, сказал один другому. – А наш хозяин ей другого жениха привёл – за большие деньги купил. Надо тяжеловоза убрать.

Он не знал, что наступил век машин, тракторов, и людям нужны были другие кони. Тонконогие, с лебединой шеей, быстрые, как ветер, а не могучие тяжеловозы. Он увидел, что к нему скачут табунщики. Они накинули на него аркан, чуть не задушив, когда тяжеловоз стал рваться и биться. Он задышался, в глазах потемнело, конь с шипением втягивал в себя воздух. Потом свет померк в его глазах, и он упал. Очнувшись, попытался дёрнуться, но невероятная боль в верхней губе (петля из сыромятины с палкой) сделала его покорным. Конюх орал: «Не балуй!» – и сильно наворачивал закрутку. С тех пор он усвоил урок: как только он становится норовистым, хозяин крикнет: «Не балуй!» А потом снова будет такая боль в губе, что лучше стоять спокойно. Его увели в конюшню, держась за скрутку, которая по-прежнему причиняла ему боль. Верхняя губа раздулась, напоминая шар, в который накачали воздух.

Через несколько дней его привели на луг. Дали в ведре овса, а сами осторожно опутывали его сыромятными ремнями. Он вздрагивал всем телом, переступал ногами. Табунщики перешёптывались между собой:

– Быстрее работайте! Как бы он не понял, к чему наша

возня.

Наконец, один, в белом халате с сумкой и ведром, полным красноватой воды, крикнул:

– Давай!

Люди дёрнулись, дёрнулся и тяжеловоз. Но что это? Ноги его стали поджиматься к животу, он завалился на бок. Бился головой, пытаюсь подняться.

– Навались! – снова заорал человек в белом халате.

На шею тяжеловоза положили бревно. Четыре табунщика прижали его голову к земле, и тотчас жгучая, невыносимая боль в паху ослепила его. Но он не стонал, а только кричал, тяжело дыша. Долго пришлось мучиться. Затем они надели на голову коня недоуздок с вожжами, дёрнули за верёвку, освободив ему голову от бревна. Онемевший, он полежал ещё немного, потом с утробным стоном встал. Люди, по двое с каждой стороны, провели коня на его место в конюшне. Боль раскалённым железом саднила в междуножье. Приведя в конюшню, дали ему воды, кинули соломы вместо овса. Не до еды ему было. Болел он долго, исхудал. Через месяц его выпустили.

И он летел на крыльях к своей Лунной лошадке. Ржал, звал её, и она, увидев его, радостно помчалась навстречу. Он подбежал к ней, горя желанием любить её. И она была готова к любви. Он и желал её, и не мог. И проклял тот день и час, что не послушался её раньше, потребовал от неё любви раньше времени. Тогда бы табунщики не обратили внимания

на него, сторающего от желания и нетерпения, потерявшего контроль над собой...

Чуть позже он бы любил её, у него были бы сын или дочь, всё равно.

Да, люди поступили с ним слишком жестоко. Его товарищи были облегчены раньше. Они не успели заиметь желание обладать кобылами. А он уже пытался ею обладать. И теперь он имел это желание. Обнюхивал её, подымал губу, обнажая зубы, задираал голову вверх, разгорячённый, требовательно ржал, но ничего не мог сделать. Тоска по несбывшемуся вошла в него. И тут он увидел серого, в яблоках жеребца, бегущего с гордо поднятой головой. Длинная грива, хвост трубой. И звонкое ржание. Все кобылицы уставились на него. Некоторые выгнули спину и подняли хвост в знак покорности. Другие – более строптивые, сложили уши. И только его Лунная лошадка заржала призывно. И этот жеребец побежал к ней.

Тяжеловоз весь задрожал от ревности и злости. Кинулся к жеребцу. Они сшиблись, тяжело столкнувшись крупами. Отскочили друг от друга. Поднялись на дыбы. Жеребец был невероятно мускулист и силён, но могучие копыта тяжеловоза сильней ударили ему в грудь, хотя и он пропускал удары его копыт по своей груди. Но Серый был хитёр и ловок. Используя его неуклюжесть, он быстро упал на ноги, повернулся к нему задом и так ударил копытами по его челюстям, что они хрустнули. Тяжеловоз взвизгнул от боли. Но что бы-

ла эта боль по сравнению с его душевной мукой? Он повернулся и так ударил своими копытами по заду Серого, что тот упал на передние ноги, ткнувшись носом в землю. Поняв, что в обмене ударами копыт он не победит, Серый мигом обежал его, упал на колени и, вытянув шею, попытался уку- сить его за коленную чашечку, чтобы обезножить. Тяжеловоз понял его намерение, и головой оттолкнул его. Тот вско- чил и вцепился ему в шею, возле затылка. Напрасно он кру- тился на месте, пытаясь вывернуться. Но его желание обла- дать кобылицей придавало ему силы. Он хотел обладать ею и мог, а тяжеловоз тоже хотел, но не мог. Это подрывало его силы. Он почувствовал, что шея его затвердела от боли. Го- лова стала клониться долу. Тяжеловоз понял, что наступает его смерть. Как только голова коснётся земли, острое копы- то Серого, как топором, разрубит её. От невыносимой боли он опустился на колени. Одну ногу поджал под себя, а дру- гую выставил вперёд. Его сопернику этого только и надо бы- ло. Он отпустил его шею, цапнул за колено, сорвав шкуру и сдвинув в сторону чашечку. Как он не оторвал её совсем?! Тяжеловоз завизжал от боли. А Серый радостно заржал и ки- нулся к Лыске, к его Лунной лошадке. Та в страхе кинулась бежать от него. Превозмогая боль в колене, тяжеловоз шеп- тал: «Беги, беги от него, моя любовь, беги!» Хотя понимал, что тот может остановить её ржанием. А потом – лягайся не лягайся, но всё равно она будет его. И, как бы угадав его мыс- ли, один табунщик сказал другому:

– Пущай гоняет её до мыла на теле, лучше случка будет... А с этим что? – Подъехали они к тяжеловозу, слезли, осмотрели колено. – А, ничего серьёзного, ветврач прижмёт кожу, зашьёт, забинтует, чашечка на месте. До свадьбы всё одно заживёт... – И засмеялись, довольные.

А что же думала и как вела себя сама Лыска? Сначала она подбежала к своему коньку, который ржанием звал её. Они коротким ржанием приветствовали друг друга. Ткнулись носами. Она готова была любить его, но что-то в нём изменилось. Когда он ржанием потребовал, чтоб Лыска стояла, она не увидела в его глазах ничего похожего на безудержную страсть. Глаза были какие-то потухшие. Не зная почему, но она ударила его задними ногами. У кобылиц это бывает. А потом, застыв на месте, ждала любви от него. Но, повернув голову, увидела тоскующие глаза его, и такая боль была в них, что ей стало жалко его. Потом появился этот – бегущий к ней, молодой и сильный. Не зная, почему, она решила заржать. Древний инстинкт потребовал, чтоб он обратил на неё внимание. Он подбежал к ней. Но тут кони начали драться. Она смотрела на них и вдруг почувствовала, что гордится собой. Ведь это из-за неё дрались жеребцы насмерть. И не зная отчего, но ей хотелось, чтоб именно Серый победил, этот незнакомый ей жеребец, которого, как она слышала, купили за большие деньги, но до сих пор не видела его. И вот он дерётся из-за неё. Вокруг бегали табунщики, орали:

– Пожарку сюда, убьют они друг друга!

Прикатила пожарка, пожарные спохватились:

– Где бочка с водой? Воды надо...

К этому времени всё было кончено, Серый укусил тяжеловоза за колено, тот застонал, завизжал. Когда победитель кинулся к Лыске, она испугалась и помчалась в степь. Серый понёсся за ней. Она бежала, чувствуя, что становится мыльной. Тут он заржал – призывно и требовательно. И эхо повторило этот призывный крик. Она поняла, что сама природа требует от неё этого, и сдалась, остановилась. Он подбежал к ней, грубый и сильный. Без всякого ухаживания приблизился вплотную. Возмущённая, она ударила его. Но он дико заржал и прыгнул. Она почувствовала его копыта на своей спине. Затем он вцепился ей в холку зубами. Не обращая внимания на первоначальную боль, она, разгорячённая, изнемогала в сладострастии. Когда он, обессилев, оставил её, она, поднатужась, хотела выплеснуть его семя, чтоб ещё раз насладиться им. Но он, зорко следивший за ней, завизжал, сложив уши и оскалив зубы. Она поняла, что жеребец хочет укусить её, и побежала лёгким бегом, а он, весёлый и довольный, затрусил рядом, взбрыкивая от счастья, словно жеребёнок. Его радость передалась ей. Она шаловливо бежала с ним рядом, касаясь его горячего бока. И ей казалось, что этому счастью не будет конца. Но вскоре почувствовала, как что-то в ней изменилось. Он стал ей не нужен. И она равнодушно начала щипать траву, безучастная к своему первому любовнику. Она снова стала думать о своём друге, и что-то

тёплое и ласковое шевельнулось в её груди, отчего радостно забилося сердце. Прискакали табунщики и погнали её в табун, а её соблазнителя на другую конюшню. Она подбежала к тяжеловозу. Он приветствовал её тихим ржанием...

Они снова были вместе. Но тут он тихо спросил её, не понимая, для чего:

– Ты теперь его?

– Да, – раздражённо ответила она и, оскорбившись, ударила его копытами.

Он отошёл от неё, не чувствуя боли. Что боль физическая по сравнению с болью душевной? Он думал: «Что ж, пусть я не могу обладать, но я ведь всё равно люблю её и буду всегда любить и защищать».

Но людей после этого он невзлюбил. Стал злобным, норовистым меринком. Дрался со всеми жеребцами и метелил их так, что они после драки с ним выглядели дохлыми клячами. Он стал сторожем в табуне. Ведь там были породистые кобылицы, которые имели «мужей», то есть их всегда подпускали к одному и тому же жеребцу. Но если нелёгкая приносила со стороны какого-нибудь жеребца, а они иногда прибегали, то после встречи с ним убегали побитыми. Саврасый дрался за право быть первым в табуне. Зная это, табунщики делали так: убирали его в конюшню, и лишь потом выпускали жеребца. Если почему-либо кобылица не осеменялась, жеребец мог гонять её до изнеможения. Задиристость мерина, очевидно, объяснялась тем, что, хоть он и не был теперь

способен к случке, но инстинкт размножения в нём ещё далеко не погас.

Хозяин, звали его Аким, взял его, чтобы впрягать в свою телегу, так как он был очень сильный и в распутицу только он мог тащить телегу с комьями и ошмётками грязи на колёсах. Но самое страшное, это когда он таскал, в прямом смысле, своих сородичей на бойню. Их крепко привязывали к телеге. Они понимали, куда их ведут. Спротивлялись, пытаясь порвать ремни. Упирались всеми четырьмя копытами. Но он пересиливал их. Они жалобно ржали, будто просили пощадить их. Но Саврасый бессердечно выполнял свой долг. Хотя знал, что ведут их на смерть. Ведь он чувствовал запах крови, идущий оттуда, куда уводили лошадей, и откуда они не возвращались.

Его хозяин любил выпить, погулять, но и поработать тоже. Иногда после обеда он запрягал его и ехал в далёкое село. Всегда спешил, заставлял коня бежать быстро. Подъезжая к дому, он привязывал Саврасого к забору, а сам шустро вбегал на крыльцо, забыв напоить и накормить коня.

– Саврасушка, дал бы ты ему копытом по тыкве, чтоб он сдох. Я бы неделю поплакала, но навсегда бы отмучилась...

Конь сочувственно толкнул её губами в нос. Она откачнулась:

– Фи, изо рта воняет! – и добавила: – Зубы надо чистить! – после чего ушла в дом.

Саврасый с недоумением смотрел ей вслед, словно говоря:

«Как я могу зубы чистить? Я конь, чистоплотный, и у меня нет ни рук, ни пальцев, чтобы взять зубную щётку. Как я её, копытом, что ли, возьму?..»

Впоследствии он поделился своими мыслями со своим другом, тоже меринком. Звали его Плюс-Минус, он возил счетовода по полям. А он, измерив поле и задав в торбе корм мерину, колдовал над бумагами, бормоча: «Плюс-минус, плюс-минус...» В конце концов мерин так привык к этим словам, что отзывался на них, думая, что это его кличка.

Счетовод, когда ехал по дороге и начинало трясти, орал: «Дроби рысь!» – и натягивал вожжи. Конёк привык и к этим словам, после которых сразу набавлял скорость. Если же дорога была гладкой, счетовод прикрикивал: «Умножай рысь!» – и хлопал по крупу вожжами. Тогда мерин нёсся так, что спицы сливались в один сплошной круг, как лопасти вентилятора при вращении. Казалась, что это не колёса со спицами, а только кольца ободов, а бричка висит в воздухе.

Счетовод научил его и геометрии. Едет по диагонали квадрата поля и орёт: «Делим квадрат диагональю пополам!» А сам вожжами направляет коня с одного на другой угол поля. И тот тоже стал понимать эту команду, привык за много лет. Так же, как и другую.

– Держи одну сторону треугольного поля! – кричал счетовод, добавляя: – Пифагоровы штаны во все стороны равны...

Конёк усвоил и это.

Иногда хозяин напивался в бригаде так, что ложась в

бричку, приказывал:

– Трогай! Ты сам знаешь, куда...

И конёк соображал: раз от него запах вонючий, значит, надо в шинок. Привозил к нему, останавливался. Счетовод подымал голову и удовлетворённо резюмировал:

– Решение верное.

Иногда голодный мерин пробегал мимо, уж очень хотелось есть. Тогда хозяин грубо останавливал его словами:

– Решение неверное!

Но тут выходила из дома жена, и он заканчивал, сникая:

– Решение правильное.

И понурый шёл домой.

Саврасый слушал своего друга, считавшего, как видно, себя причастным к царице наук – математике. А сам думал о своём.

Как-то раз, едва привёз он хозяина домой, как тот заорал на него:

– Что, копыта от ящура отвалились?! Что, нет терпения, и ты проскользил до дому?! Я тебе покажу, где надо тормозить!

Он стремительно влетал в дом. Потом оттуда выбегала жена. Он за ней, со шваброй, крича:

– Тормози, шалава! Я тебе шваброй уму-разуму добавлю...

Женщина пряталась в кустах. А он, тяжело дыша, бросал швабру и говорил:

– Конёк ты мой верный, что делается? Пришёл домой – вижу, на стуле чужие штаны, одеколоном моего соседа пахнет... А ведь как жили?! Душа в душу, друг в друге души не чаяли. Как сыр в масле она каталась. Никакого трения и скольжения меж нами не было. И вот как обидела...

А из кустов крик:

– Дурак, это я штаны тебе купила, повесила, чтобы ты порадовался, а ты спьяну не разобрал что к чему...

– Голубушка ты моя, прости меня, иди, я тебя поцелую, – тянул он к ней руки. Она недоверчиво подошла к нему, но муж поднял её на руки и, целуя, понёс в дом. А конёк стоял в стороне и думал: «Почему это он не сказал жене «балуй!», как всегда говорит мне, чтоб я успокоился?»

Вышел хозяин в расстроенных чувствах и стал оправдываться.

– Не смотри ты на меня так, Саврасушка! Это мне жена променаж сделала. Ну, знаешь, когда кони застоятся, табунщик им променаж делает. Так и я застоялся, потому мне жена променаж устроила. Ты понял меня?

Саврасый ничего не понял – какой-то променаж... Но от жары махал головой вверх и вниз, что можно принять за согласие с хозяином.

– Молодец, понятливая скотина, во всём со мной соглашается, – одобрительно заключил он. – Вот что, Саврасушка, поехали-ка с тобой в поле. По ходу прихватим шкалик. Я тяпну, а ты погуляешь...

В поле он постелил фуфайку под телегой. Затем распряг конька:

– Иди пасись! – хлопнул он его по спине. – Старый ты стал, Саврасушка! Вон какие серые остья на спине...

Саврасый стоял и смотрел на бесконечную строчную щётку поля. Чёрной волной падала на неё вереница птиц. Иногда, испугнутые людьми, они подымались огромным голубым шаром, словно заляпанным чёрными клиньями. Шар этот раздувался, а затем опускался на ниву. Конёк смотрел и любовался на них. Особенно когда птицы летели шаром, разом поворачиваясь в воздухе, как солдаты на плацу по команде.

До него донеслась песня. Пел хозяин: «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночка тёмная была. Одна возлюбленная пара всю ночь гуляла до утра...» Хозяин с трудом выполз из-под телеги и подошел к Саврасому:

– Эх, Саврасушка, потерял я жену, – прослезился он. – Да что я тебе говорю?! Ты ведь, скотина, никогда не поймёшь. Если бы когда-нибудь любил... Но вам, конягам, не дано это чувство...

Как только он это произнёс, у конька на сердце стало больно. «Разве кобыла не любит своего жеребёнка, если она готова жизнь за него отдать? А разве я не любил мою Лунную лошадку? И разве не вы, люди, отняли у меня эту любовь?» Он хотел развернуться и ударить его копытом, но сдержал свою злобу. Лишь тоскливо проржал, подумав: «Это я-то не

пойму? Да если б люди не сделали со мной то, что они сделали... Разве я не любил бы?»

И он, озлясь, сложил уши, намереваясь его укусить. Но хозяин крикнул:

– Балуй, чёрт!

И Саврасый застыл, как вкопанный. Хозяин вновь залез под телегу. Неожиданно пришла с узелком жена, присела рядом и развязала узелок. В нём были сало, картошка, хлеб, лук, колбаска и даже чекушка.

– Всё сердце изболелось, – жалостливо говорила она, – думала, с похмелья ухайдакает тебя смертушка. Грех на мне будет.

Хозяин был рад не меньше ее, оправдываясь, бормотал:

– Ты зря на меня бочку катила. Это я надясь в магазин зашёл одеколону себе взять «Шипр». А продавец, шутя, открыл французские духи, палец к флакону прижал, наклонил его и дунул. Запах пошёл такой хороший! Говорит: не желаешь своей любимой жёнушке взять? Я сразу за эту идею уцепился. Думаю, сделаю тебе подарок. Спрашиваю: сколько стоит? Он мне загнул такую астрономическую цифру, что у меня зенки на лоб полезли. Жаль, таких денег у меня сроду не было, а то бы ты, жёнушка, купалась во французском парфюме!

– Хватит тебе врать-то! – словно бы сердясь, обрывала его жена, а сама так и пунцовела от его ласковых слов.

Счетовод её обнял, в губы целует. Она глядит на коня,

будто ей неудобно при скотине ласки принимать от мужа.

И Саврасый, как деликатный конь, побежал к реке, где по-настоящему шумел камыш и гнулись от ветра зелёные ветки. Смеркалось. От шума камыша и одиночества ему стало так тоскливо, что захотелось увидеть свою любушку. «Пусть люди думают, что мы без сердца, но мы тоже живём и чувствуем». Он проржал призывно. И тоскливое это ржание понеслось по реке. Ему до боли в сердце захотелось быть молодым, юным. И снова испытать любовь, хоть на мгновение... И он подумал: вот увижу её – и вернется молодость! В этот момент ему радостно ответила кобылица. Он проржал ещё раз. Но в ответ кобылица уже не отозвалась. Видно, по его изменившемуся голосу поняла, что это не жеребец. Вместо этого до него донеслось злобное ржание табунного жеребца. Затем всё стихло. Он ждал, так как был уверен, что прибежит к нему она, его Лунная лошадка. И действительно, вскоре раздался топот копыт. Но кобылица бежала не одна, за ней гнался жеребец. Она приблизилась вплотную, и они потянулись губами друг к другу. Жеребец с ходу налетел на него. Ведь у лошадей в таком деле не самку винят, а самца. Ударил его грудью. Да так сильно, что перелетел через него, кувыркнувшись через голову. Взвизгнув от боли, он, впрочем, вскочил, как ни в чём не бывало. Поднялся на дыбы, вызывая Саврасого на бой. Затем упал на передние ноги, взбрыкнув задними ногами так высоко, словно хотел сбить луну с неба. Затем, демонстрируя свою силу и прижав уши, кинул-

ся с визгом на кобылицу. Та от страха помчалась в степь, и только быстрый бег спас её от зубов жеребца. Они убежали. А Саврасый остался лежать один, в тоске и одиночестве.

Неожиданно он заржал над самим собой: «Старый дурак! Молодость захотел вернуть...» Вдруг ему почудилось, что кто-то повторил его стон и ржание. Он поднял глаза вверх и увидел, что его тоску одиночества и боль повторила его голосом с высоты небес серебристая птица пересмешник. «Проклятая птица! – чертыхнулся Саврасый про себя. – Только спустись сюда ко мне. Я тебе все крылья повыворачиваю. Будешь летать спиной вниз, а лапками вверх». Но она, такая же одинокая, улетела, серебристо розовая в лучах заката. От этого ему стало ещё муторней на душе, и он побрёл к людям. Подошёл к своей телеге. Возле неё догорал костер, лишь одна щепка то загоралась, то гасла. Конёк смотрел на неё и думал: «Вся жизнь моя сгорела, как этот костёр, а её остаток тлеет, как эта щепка». «Ты гори, гори, моя лучинка, догорю с тобой и я...» – вспомнилась ему песня, что пел хозяин.

Из-под телеги вылезла хозяйка.

– А, конёк пришёл, – ласково произнесла она. – Как раз кстати. Домой пора ехать, комары нас тут закусили, тебя дождаючи! – пожаловалась она, тугим узлом закручивая волосы и поглядывая на него полными сладострастия и радости глазами.

Он вёз их, а сам думал: как там Лыска, не обижает ли её этот нахал – жеребец...

А Лыска в это время тоже вспоминала о своём друге. Да, она услышала его ржание, его тоскливый призыв. Ему ответила какая-то кобылица, но сразу смутилась и умолкла. Он проржал второй раз. Она поняла, что это он зовёт её. Всё в ней задрожало. Она была готова сразу бежать к нему. Хотела побыть с ним, вспомнить молодость, хотя бы на один час почувствовать себя молодой. Но она знала, что табунный жеребец не позволит ей это сделать, и ждала подходящего момента. Когда он, бросившись в степь, скрылся за косогором, она сорвалась с места и, стараясь не топтать, побежала к своему другу. Но её выдал «коняжонок», маленький глупыш. Он неловко чесал у себя за ухом задней ногой, качаясь на трёх ногах, но, увидев её, убегающую в степь, заржал:

– Куда это тётенька побежала? Наверное, учуяла запах сладкой травки? Я тоже её хочу.

И устремился вслед за ней. Его мать тревожно, с упрёком заржала, подзывая его к себе. Вернувшийся к этому времени жеребец поднял голову. Увидел беглянку и заржал зло и требовательно, чтоб она вернулась в табун. Но она понеслась во всю силу её резвых ног. Хотя знала, что он не отстанет от неё. И накажет – безжалостно и жестоко. Накажет притом обоих: его и её. Но она тут же пренебрежительно подумала: «А-а, пусть они подерутся из-за меня!» Пусть будет, как в молодости, когда из-за неё дрался не один жеребец. Это вернёт ей молодость, а может, и желание вновь быть любимой. Она понеслась галопом, чувствуя, что эта мысль придаёт ей

силы и резвость. С замиранием сердца подбежала она к своей первой любви, к своей несбывшейся мечте. Остановилась перед ним, уставшая, тяжело дыша и запыхавшись. Они радостно заржали, приветствуя друг друга. И тут вихрем налетел табунный жеребец, который с ходу сшиб её конька... Затем с визгом и оскалом зубов кинулся на неё, говоря прерывистым от гнева ржанием:

– Забыла, кто в табуне хозяин? Забыла, чем это тебе грозит?

Она поняла, что он может сейчас её убить, и во весь мах понеслась обратно. И так бешено летела, что он не смог её догнать. Это спасло её. В табун жеребец прибежал уже остывшим. Приблизившись к ней, сказал с угрозой:

– Если ещё раз убежишь, смотри, – показал он свои огромные копыта. – Они будут бить тебя долго и больно...

– Но что я такого сделала? Хотела повидаться с меринком, он друг моей юности, а то, что вы подрались, так кто только не дрался в былые времена...

– Из-за тебя? – спросил он.

– Да.

– Сомневаюсь.

– А разве ты там дрался не из-за меня?

– Я дрался из-за порядка в табуне.

Он презрительно глянул на кобылицу:

– Знаю я вас, сперва вспомнишь молодость с меринком, а потом побежишь к жеребцу.

– Но ты же меня не любишь, даже внимания не обращаешь...

– Если я тебя не люблю, это не значит, что тебя должны любить другие. Смотри у меня! – оскалил он жёлтые зубы, процедив с недоверием: – Из-за тебя дрались? Сомневаюсь. Просто ты забыла, кто в табуне хозяин...

И ушёл, даже не оглянувшись. Многие кобылы косились на неё с сожалением, а некоторые с ехидством. А жеребёнок, выдавший её, подбежал и спросил:

– Ну что, тётенька, нашла сладкую травку? Так ты скажи, где она растёт? Я сам туда сбегая тайком от маменьки...

Она лишь грустно улыбнулась в ответ и стала губами перебирать его пушистую гриву. Но он недовольно мотнул головой и убежал...

Так вспоминала первый инцидент Лыска. А один из его виновников – Саврасый – привёз хозяев домой. Хозяйский сын выпряг его и повёл в конюшню. Он шёл тихо, осторожно, ожидая насмешек со стороны. Действительно, при виде его все перестали жевать сено и уставились на него.

– Н-да, явился старый ловелас, запоздалый любовник! – с иронией проржала одна шустрая лошадка. I

– А тебе-то что? – оборвала её другая. – Как хотят, так пусть и поступают...

– По нашему закону все должны быть в табуне, отлучаться можно только когда берут на работу.

– А он и был на работе.

– Ну да, и на работе ржал, требовал себе любовницу! За что и получил от жеребца...

– А ты откуда это знаешь?

– А ты что, не слышала, как пересмешник эту весть по всей округе разносил?

– Ну и что, а тебе завидно?

– Чему завидовать? – вмешалась рассудительная старая лошадь. – Их ушедшим годам, несбыточным желаниям?

Все вздохнули и успокоились. Саврасому захотелось поговорить с Лыской, и он подошёл к ней. Открыл было рот спросить, не обидел ли её жеребец, но она поспешно подвинула ему клочок сена.

– Ешь, голоден, наверное?

– Да тут тебе самой нечего есть, – деликатно отказался он.

– Ешь, ешь! – тоже подвинула мордой сено стоявшая с другого бока кобыла. – Тебе надо хорошо есть, уж больно сердце у тебя влюбчивое.

– Мы вас любим, когда вы нас любите, – отделался он шуткой.

А Лыска, прожевав, сказала с тоской:

– Хозяин только что был, освободил меня от работы, сказав: завтра подумаем, куда тебя деть. Как ты думаешь, не пропаду я, как многие другие? Уведут их куда-то, и они не возвращаются. Некоторые достаточно пожившие, а некоторые молодые, совсем молодые...

– Не думаю, – успокоил он, хотя знал, что хозяин может

сделать всё.

И сердце у него сжалось от боли. Ведь он догадывался, куда уводили коней – на бойню! Сам помогал это делать хозяину. Но сейчас он подумал: «Пусть будет что будет, но в этом деле я больше не ходок. Ни за что не поведу туда Лыску».

Его думы прервал стук в двери конюшни. Вошли двое – хозяин и его брат.

– А вот, Николай, она, наша красавица! Присматривай за ней! – сказал хозяин, указывая на Лыску.

– Оставили её нам на голову, – пренебрежительно заметила одна из молодых кобылиц, жена сына Саврасого, резвого жеребца.

Её водили во все годы только к нему на случку. От них было хорошее племя, поэтому она считала, что этот жеребец ей законный муж. А Лыска подумала: как это, такие молодые и не могут наслаждаться жизнью? В молодости весь мир перед тобою. Отдохнула, силы восстановила – и сразу по лугам и холмам носишься, чувствуя, как наливаются силою мьппцы, как свистит ветер в ушах. Затем появляется желание быть матерью. Ожеребиться и ощутить радость материнства, когда маленький шалун лезет своей мордочкой под твой живот, оттягивает сосцы, заставляя нежно-трепетно приливать молоко к вымени. И постоянно – сладостная тревога матери, ревниво следящей за резвившимся жеребёнком, тревожно-призывно ржать, подзывая его к себе. Радостно обнюхивать его, пахнущего её молоком и запахами степных трав.

Наклонившись, рвать траву, присматривая за своим малышом: как бы кто его не обидел... С этими мыслями она засыпала тревожным сном, стоя. Живот её отвисал, шкура натягивалась, обнажая рёбра. Тяжело вздыхая, она дёргала головой и видела во сне себя молодой.

Через три дня после того, как она бегала с жеребцом, к ней незаметно подошёл табунщик. Тихо топнул ногой – она вздрогнула, подняла голову. И вдруг в воздух взметнулась верёвка, и вслед затем петля захлестнула её шею. Она дёрнулась, взвилась на дыбы.

– Держи! – донёсся до неё крик другого табунщика.

Она рванулась в сторону, но петля сразу сдавила ей горло. Она захрипела, дыхание остановилось. А петля затягивалась всё сильнее. Она почувствовала, что задыхается. В это время один из табунщиков накиннул на неё недоуздок с двумя поводками, и горло ослабило, ей стало легче дышать. Она вновь попыталась встать на дыбы. Но те вдвоём повисли на поводьях, не давая ей этого сделать. Один при этом ласково приговаривал:

– Тихо, тихо, Лыска! Пора тебе человека на себе возить. Красавица ты наша ненаглядная. Ну что, погоняем её по пашне до мыла?

– Да ты что, сдурел? – урезонил его напарник. – Запалишь её – хозяин голову тебе отшибёт! Привяжи её к своему коню за шею, и пусть ходит, привыкает к человеку.

Она стала ходить вместе с конём табунщика – добрым,

равнодушным ко всему меринком. Иногда она упрямилась, не хотела идти. Тогда мерин говорил ей:

– Смирись! Будешь противиться – сломают тебя. Вот и всё...

– Я родилась вольной и никогда не смирюсь с неволей!

– Эх, белогривая, – вздыхал он. – И я так же думал. А теперь вот вожу хозяина. И за его доброе слово, кусочек хлеба или сахара готов перед ним на задних ногах танцевать. Жизнь – это тебе не суп лаптями хлебать...

Подходил табунщик, Лыска шарахалась от него, натягивала повод. Но он равнодушно произносил:

– Смирись, красавица, и всё будет хорошо...

Она продолжала сопротивляться. Табунщик садился на мерина, и Лыска так дёргала за повод, что бедный конь чуть ли не валился с ног.

– Ну и норовистая ты, Лыска!

Табунщик спешил и вёл своего мерина на поводу. А на отдыхе доставал из кармана белый хлеб и протягивал его своему коньку. Тот с загоревшимися глазами аппетитно пожирал его. Лыска его упрекала:

– Ты что, за ломоть хлеба держишь меня пленницей?

А у самой от голода и при виде того, как он ест, даже слюнки текли.

– Это ещё не то! Вот когда он гладит меня! Я это очень люблю. А ещё если тело зудит, он гребёнкой меня чешет... Я прямо замираю от радости.

– Ну да, а порой и кнутом дерёт! – язвительно поддевала его Лыска.

Но постепенно и она поняла, что он не так уж и плох, этот парень, что, гоняясь за ней, чуть не побил ей. Однажды он кормил хлебом своего коня, и хлебный дух так вскружил ей голову, что она, уже не владея собой, потянулась мордой к его рукам с хлебом Конёк, мгновенно оценив угрозу, выхватил этот кусок и торопливо слопал. Хозяин улыбнулся, достал другой хлебец и протянул его Лыске. Вытянув шею, она осторожно взяла его и, захлёбываясь от вкуса и избытка слюны, съела его.

– Ну вот и хорошо, – удовлетворённо заметил он. – Значит, привыкаешь...

На другой день он, как бы не обращая на неё внимания, достал хлеб и стал кормить своего конька. Лыска не выдержала и смело подошла к нему. Фыркнула и стукнула копытом от нетерпения. Хозяин молча повернулся к ней и протянул хлеб. Она быстро его прожевала, и ей захотелось ещё. Она потянулась к нему и стала тыкаться в его руку губами.

– Балуй! – прикрикнул он. – Хорошего понемножку. – И положил ей руку на холку.

Всё в ней возмутилось. Она задрожала, дёрнулась и отбежала на длину повода.

– Рановато, ещё не привыкла, – как-то непонятно произнёс он.

Потом достал щётку и стал чесать конька. Тот от удоволь-

ствия щурился, даже, казалось, стонал от приятных ощущений.

– Что, хорошо? – спрашивала его Лыска.

– А то, какой массаж! Да и ослабленные волосы выдирает. Я словно заново родился...

Любопытство толкнуло её к руке табунщика. Она понюхала его гребёнку, которая пахла конём и деревом.

– Что, и тебе хочется? – улыбнулся тот и неожиданно провёл щёткой по её хребту.

Спина зачесалась, и она отскочила.

– Что, не понравилось? – удивился табунщик. – Ничего, привыкнешь, ещё какое удовольствие будешь получать...

И, отойдя в тенёк дерева, присел, надвинул фуражку на лицо и захрапел. Любопытство вновь толкнуло Лыску к нему. Она приблизилась, потащив за собой и мерина. Стала нюхать карманы хозяина.

– Хлеба больше нет, – сказал мерин.

Это вызвало у неё раздражение, и в сердцах она бросила:

– Ты хоть бы раз меня обнюхал, губы оттопырил, зубы показал...

– Ну нет, милаха, – вздохнул тот, – резона нет губы топырить. Мне люди мою топырку давно отрезали, теперь я на вас, кобылиц, ноль внимания...

– А почему тогда мой дружок тяжеловоз ко мне тянется? Может, он оклемался и у нас с ним будет жеребёнок?

– Нет, моя красавица! Просто его облегчили чуть позже и

у него ещё оставалось желание любить вас. Что же касается меня, то я об этом даже думать перестал...

На этом этот невесёлый разговор кончился. На другой день табунщик подошёл к ней, дал опять хлеба и своими заскоружными руками стал гладить ей шею. Странно, но Лыске это было очень приятно. Он положил руку ей на спину – дрожь пошла по её телу. Она взвизгнула и брыкнулась.

– Балуй! – заорал табунщик. – Всё равно я тебя шёлковой сделаю. Ишь ты какая, с норовом...

И стал сильнее затягивать оборот. Лыска стояла смиренно.

– Ну что, готова? – ласково произнес табунщик, похлопав её ладонью по крупу, и, обернувшись к напарнику, крикнул:
– Иван, тащи сюда седло!

Тот принёс седло, такое же, как у конька хозяина, который положил его на спину Лыски. Она дёрнулась, возмущившись: зачем ей это? Но табунщик достал большой ломоть хлеба и протянул его ей. Пока она ела, они затянули ремни, которые стянули ей грудную клетку. Она напряглась, пытаясь ослабить их, но хозяин понял это по-своему.

– Балуй! – сурово прикрикнул он, сильно ударив ее в бок.

А через день он принёс ей и своему коню по полведра овса. Пока Лыска ела, накинул ей мешок на седло. Она почувствовала тяжесть на спине, но с удовольствием продолжала уплетать овес. Целые сутки она ходила с мешком на спине. Утром табунщик снял его. Долго гладил шею Лыски, шептал ей ласковые слова. Потом сказал:

– Ну, попробуем!

Сунул ногу в стремя и сел в седло.

– Ну вот мы тебя и объездили...

Он слез, отвязал недоуздок от своєю коня, снял его, надел узду на Лыску, протянул поводки и птицей вновь взлетел в седло.

– Ну, Лыска! Проверим твой ход.

Он свистнул, гикнул. Лыска поняла, что ей надо бежать, показать седоку, на что она способна. И расстелилась во весь мах. Ей почему-то очень радостно было делать это. Хозяин стиснул ей бока, дёрнул поводья, и она пошла размашистой рысью, обгоняя его напарника, который решил с ними потягаться.

– Вот так-то, Лыска, молодец, лошака! – одобрительно приговаривал хозяин. Впрочем, Лыска по природе своей не терпела, чтобы кто-то бежал впереди неё. Она была всех резвей в табуне и гордилась этим. Но там действовал закон табуна. Он устанавливал первенство лидирующей кобылицы и табунного жеребца, ржание и желание этих двух выполнялись беспрекословно. А здесь, как видно, был другой закон, который разрешал ей бежать так, как она хотела. Обогнав напарника, табунщик пригнулся в седле и крикнул:

–Наддай!

И она пошла галопом ещё сильнее. Ветер засвистел в ушах. Она бежала, чувствуя, что седоку это очень нравится. И ей тоже. В беге они были счастливы оба. Через некоторое

время он стал натягивать поводья: «Тр-р-р!» Лыска остановилась.

– Ну как? – подлетел на хрипящем взмыленном коне напарник.

– Не лошадь, – птица, парящая на ветру, даже не качнёт, – ответил хозяин, ласково похлопав Лыску по шее. – На сегодня хватит. Седло надо с неё снять, а то отёк возле ремней будет...

– А она не жеребая? – вдруг спросил напарник, с подозрением оглядывая Лыску.

– А ты вымя пощупай, наливает оно?

– Не брыкнёт?

– Нет, ей это будет приятно.

Лыска почувствовала, как рука человека коснулась её вымени. И странно, но ей было приятно это прикосновение.

– После случки кобылицы становятся покладистыми, – сказал хозяин.

– Не только кобылицы, – заметил тот. – Тёлку тоже после свидания с быком потрогаешь за вымя, так она ещё раз подойдёт к тебе... Хорошая лошадка, ишь ты, нравится ей. А вымя маленькое, в горсти умещается...

– Ты смотри, а то так нащупаешься, что к жене захочется бежать, – засмеялся хозяин Лыски.

А она даже не думала, что людям так нужен её бег и он так важен для них. Лишь теперь она это поняла. Особенно когда её стали купать ребяташки. Они любили на ней кататься,

притом желая, чтоб она обгоняла всех. И она никогда малышей не подводила. Правда, иногда они ссорились из-за неё. Хотя и других лошадей тоже купали. Но на ней всегда ездили сыновья табунщика. Их было двое, этих милых мальчишек. Когда один из них садился на неё, она видела, как гордость переполняет его. Глаза блестели. Ей нравилось доставлять им удовольствие. Она всегда первой прибегала к пруду и с ходу бросалась в воду. За ней – гнедой мерин, потом другие лошади. Она плыла сильными толчками на другой берег. Затем кони останавливались в воде, дети залезали на них, прыгали со спины в воду. Приятно было стоять в прохладной воде и чувствовать их босые пятки, которые массажировали спину. Они плюхались в воду и снова лезли на лошадей. Счастливые и смеющиеся, держались за гривы. Потом кони плыли опять к своему берегу и скакали к конюшне. Дня через три-четыре мальчишки уже не хотели уступать её другу. Спорили:

– Дай я на ней поеду!

– Нет, я. Ты на ней больше ездил, теперь дай мне!

– Не могу я больше на гнедом ездить, я на нём весь зад растер. Вот, посмотри...

Он снимал штанишки и, сверкая мраморной белизной округлых ягодиц, показывал своему товарищу красное, уже засохшее пятно, словно багровый листик прилип к его попе.

– А у меня, смотри, то же самое! – подхватывал второй,

снимая штанишки.

На его голом заду таким же красным листом светилась ра-
на.

– Всё равно поеду я, а не ты! – кричал первый.

Они, сцепившись руками, оттягивали друг друга от Лыс-
ки. Спущенные штаны мешали им двигаться. Они падали,
махая руками и ногами.

Лыска с удивлением наблюдала за этой сценкой.

Подошёл табунщик.

– Ну вы, петухи, хватит клеваться! Наденьте штаны и са-
дитесь на кобылу оба. Она сдюжит вас обоих...

– Да она с нами двумя никого не обгонит! – протестовали
пацаны, когда отец сажал их на спину Лыски.

– Обгонит, обгонит! Вы ещё пока, как говорят боксёры, в
весе петуха...

Забыв про ссору, сыновья устраивались в седле. Один дер-
жался за гриву Лыски, другой за него, крепко прижавшись.

– Ты, Лыска, с ними поаккуратнее, – улыбаясь, напутство-
вал её хозяин.

А та от жары кивала головой, словно давая согласие.

– Поняла? Вот и отлично. Ну ладно, скачи! – он легонько
хлопал её по шее ладошкой.

И она плавно несла их на своей спине. Ей нравилась их
возня в воде, шум, брызги. Она и сама шалила. Подплывала
к берегу и, стоя по брюхо в воде, била по ней передними ко-
пытами. Вода расходилась кругами, неслась навстречу плы-

вущим лошадям. Они плыли, погружая нижнюю челюсть в воду. Волна била им в ноздри, они захлёбывались, фыркали. Ребятишки смеялись, наблюдая за ними. А Лыска снова и снова нагоняла волну копытами.

– Ещё! – кричали пацаны, впадая в безудержное веселье.

К осени, когда наступила прохлада, слава о необыкновенной резвости Лыски уже гремел» на всю округу. Как-то табунщик поскакал на ней по лугу, где стояли сверкающие легковые машины.

– Наддай! – крикнул табунщик и ударил её пятками.

Она рванула так, что ветер сразу засвистел в ушах. Краем глаза увидела, что в руках у людей было что-то круглое, размером с куриное яйцо. Они смотрели то на её бег, то на это яйцо. Когда она добежала до проведённой на земле белой полосы, табунщик натянул поводья. Развернул лошадь и снова крикнул:

– Наддай!

Лыска, словно стрела, понеслась назад, Потом она паслась, привязанная к дереву, наблюдая, кик люди выставили бутылки на капоте и пили. Её новый хозяин, которого она видела мельком, был очень доволен. Подозвав табунщика, похлопал его по плечу и поднёс ему бокал, который он осушил, перекрестясь. Затем подошёл к Лыске, похлопал её по шее и сказал:

– Молодец. Завтра тебе новое испытание сделаем.

На другой день привели высокую вороную кобылу. Та по-

смотрела на Лыску презрительно, и даже не заржала в приветствии. Потом их поставили рядом. Седоки поприветствовали друг друга и разом крикнули:

– Пошёл!

Лыска обошла вороную, не переходя в галоп, настолько сильна была её рысь.

– Продай! – возбужденно, почти с мольбой крикнул один из гостей её хозяину, – и новый «мерседес» твой...

– Не нужен мне твой «мерседес». На ней я заработаю сотни «мерседесов», как только разведу от неё племя, – снисходительно отпарировал тот.

Лыска не знала, что она обогнала знаменитую Крылатую, – самую быструю лошадь округа.

– Дом, дом трёхэтажный отдаю! – орал другой.

– Господа, успокойтесь! Придёт время – купите себе хорошее племя от неё. Кобыла жеребая, так что ждать недолго...

Лыску больше не пустили в табун, а перевели в загон с хорошей травой. Там она паслась одна. Но было и много соревнований, где она всегда была первой. Одну гонку ей никогда не забыть. Подскакав к финишной черте, она заметила, что в толпе началось какое-то оживление. Подъехал молодой розовощёкий парень на высоком буланом коне. Обычно жеребец приветствует кобылицу коротким ржанием, похожим на гоготание. Но они оба были слишком горды и лишь косились друг на друга, не приветствуя. Жеребец лишь мельком глянул на неё, отвернулся и затанцевал на месте, будто сгорая

от нетерпения. Но потом вновь стал бросать на неё короткие взгляды. Явный признак, что он заинтересовался ей и хотел, чтоб она ответила ему тем же. Дескать, смотри, какой я красавец, а какие у меня ноги! Полюбуйся мной. Хочешь, я тебе, словно врач, назначу время приёма? Или позови, когда только пожелаешь, и я немедленно загляну к тебе на огонёк. Лыска отвечала ему вроде бы полным равнодушием, но всё же краем глаза наблюдала за ним.

Гости тем временем стрельнули пробкой из пузатой бутылки. Из горлышка с шипением пошла пена. Наполнили маленькие прозрачные стаканчики. Выпив, один стал кричать:

– Сто, сто на Буланого!

Другой перебивал:

– Двести, двести на Лыску!

– Готовьсь! – раздалась команда.

Чуть натянув поводья узды, седок ударил пятками и подвел Лыску к белой черте. Жеребец приплясывал тут же, ёкая селезёнкой.

– Пошёл! – скомандовал стоявший у белой черты человек, махнув флагом.

Пятки седока ударили Лыске в бока, и она рванулась вперёд, за жеребцом. Это был сильный бегун. Он бежал, не всхрапывая, лёгкие его дышали свободно. Лыска взяла чуть левее и прибавила бег, начав с ним выравниваться. Полпути они шли с ним ноздря к ноздре. Лыска летела из последних

сил, но и он не сдавался. Было видно, что он привык быть первым. Спортивная злость придавала ему силы. Лыска ещё прибавила и стала обходить его. Жеребец покосился на неё злобным глазом. И тут случилось нечто невероятное. Этот гордый красавец до того унизился, что попытался уцепиться зубами за её хвост. Но она разгадала его намерение. Так жеребцы часто наказывают кобылиц за непокорность. И так убыстрила свой бег, что он сразу отстал, но не хотел уступить. Лыска бежала из последних сил, а он, задыхаясь, настигал её с жутким хрипом: «Хы-хы-хы!..» Нечто подобное она слышала, когда табунщики варили на костре картошку, затем ели её горячую. Она обжигала им пищевод, и они, открыв рот, выдыхали: «Хы-хы-хы!...»

Среди гостей творилось что-то невообразимое.

– Наддай ему плёткой! – кричал один симпатичный мужчина. – Буланый, не выдай, милый, разоришь меня!

Другой орал:

– Лыска, прибавь ещё немного! Я на тебя столько поставил. Выручай, родная. Я тебе памятник поставлю...

Лыскин седок лёг ей на спину, ослабив напор встречного ветра. И она пошла во весь мах. Скачки её удлинились, стали чаще. Топот жеребца стал удаляться. Каким-то задыхающимся голосом он коротко, но отчаянно проржал, призывая её остановиться. Так ржёт жеребец, когда знает, что кобыла охочая. Но у нее не было сейчас желания прислушиваться к нему. Лыска птицей перелетела белую финишную черту.

Что тут началось! Какой-то мужик с круглым брюшком, широко распахнув руки, подошёл к ней и, чуть не плача от радости, повторял:

– Дай-ка я посмотрю на эту чудо-лошадь! Ну, хороша, хороша, зараза. Не лошадь, а реактивный самолёт!

К одному из гостей подошёл хозяин, коротко бросив:

– Игнат, деньги!

Тот достал из кармана, как показалось Лыске, кирпичик зелёного хлебца, подобный тому, что табунщик извлекал из своего мешка, бросая большой и злобной собаке. Иногда он подзывал к себе и Лыску. Подбрасывал хлеб вверх, крича: «Кто скорее поймает?»

Лыска вставала на дыбы, собака прыгала. Хотя лошадь была выше, но у неё не было клыков. Потому ей редко удавалось поймать желанный кусок – его успевала схватить собака и удрать. Если же ей это удавалось, собака злобно рычала, готовая вцепиться ей в горло.

Табунщик предостерегающе кричал:

– Эльбрус, не смей, на место!

И довольно смеялся, видя, как пёс недовольно отходил, глухо ворча. Иногда и Лыска кидалась на него. Но он с хлебом в зубах удирал в кусты, а, съев хлеб, сам кидался на неё. Теперь удирала от него во все лопатки она, потому что при беге пёс мог покусать её. Обычно он заходил сбоку, кусал за брюхо и отскакивал.

Лыска бежала в табун к своему мерину. Он не боялся со-

баки – складывал уши и с визгом устремлялся к псу, тот спасался бегством...

И вот эти странные люди схватились за кусок хлеба обеими руками, один тянул к себе, другой не отпускал. Её хозяин, красный от натуги, одной рукой схватился за кусок, а другой пытался отрывать от него пальцы того человека, который вынул его из кармана, натужно крича при этом:

– Игнат, больше достоинства, больше достоинства! Будь мужчиной... Ну проиграл, так отдай. На нас люди смотрят...

Наконец, с тяжёлым вздохом Игнат опустил руки, хрипло вымолвив:

– На, подавись моими деньгами! Живоглот, разоритель, убивец.

На что хозяин ответил:

– Были ваши – стали наши...

Он прижал пачку денег к груди и, воровато оглядываясь, спрятал её во внутренний карман. А проигравший бормотал, бледнея лицом:

– Эх, красавица! Без ножа ты меня зарезала. Был у меня лучший конь, а теперь что?..

«Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной...» – пьяно пропел он довольно хорошим тенором. И вдруг заорал на человека, сидевшего на седом от мыла жеребце:

– Убью, кормить солитёром буду, чтоб похудел! Ишь, брюхо разъел! На таком жеребце и не мог обогнать!..

Что тут началось... Один сцепился с хозяином Лыски за грудки.

– Отдай деньги! – орал он. – Это нечестия игра! На жеребце мой седок был вдвое тяжелее твоего...

– Да, но ведь у тебя жеребец, а жеребцы сильнее и рысистей. Нельзя жеребца ставить против кобылы, – возражал ему хозяин.

Но тот продолжал орать:

– Захапал мои денежки! Если б на кобыле сидел такой же тяжёлый наездник, она бы жеребца ни за что не обогнала...

Лыске было обидно слышать такие речи, ибо с того времени, как она себя помнила, её никто никогда не обгонял. Обиженная, она подошла к стартовой черте и спокойно стала у неё. Ей подумалось, что придётся бежать снова. Так часто делали ребятишки, когда купали лошадей и спорили, кто кого обгонит. Закладывали мячи, ножи, а то и биты для игры в городки. Её заставляли бежать с сестрой, надеясь, что та в конце концов обгонит её. Но всегда выигрывала Лыска. Ребятишки, пока в обед спал конюх, заставляли скакать их снова и снова, надеясь получить желанный результат. Но ничего у них не получалось: Лыска неизменно побеждала. Вот и сейчас она подумала: мол, сажайте на меня своего седока, а мой пусть садится на буланого. Что без толку-то спорить?

– Глянь, чегой-то она? – озадаченно проговорил один из спорщиков. – Встала на старте...

– Это она сама предлагает снова бежать. Видно, поняла, о

чём мы тут спорим, – догадался Лыскин наездник.

– Господа, лошадь, и то умнее нас! Вон как предлагает решить спор. Давайте пересадим всадников!

– Этого делать нельзя, – возразил хозяин. – Лошадям нужен отдых. Если хотите, через неделю снова скачки. Вот тогда и попытайтесь взять реванш. В чём я сильно сомневаюсь...

Все стали разъезжаться. Но один, стоявший возле машины, долго смотрел в сторону Лыски, о чём-то думая. На другой день она увидела его, идущего с её хозяином, который непрерывно повторял: «Нет, нет!»

А через неделю, ночью, когда Лыска стояла в загоне, в нос ей вдруг ударил запах пшеницы и холодной воды. Их принёс тот не знакомый ей человек, говоривший с хозяином. Она с жадностью съела зерно и запила его водой. Незнакомец забрал ведро и ушёл. К утру она почувствовала колики и резь в животе, её всю трясло. Не выдержав, она жалобно заржала. Прибежал конюх, сторож с фонарём. Осмотрев лошадь, он пришёл в сильное волнение.

– Ребята, сюда! – заорал он.

Прибежали табунщики, привели ветврача. Он напоил её самогоном, и боль утихла. Потом её подняли, хотя она еле стояла на ногах. Один табунщик сел на неё и ударил пятками в бока. Она двинулась с места, но было видно, как ей тяжело; она вспотела, изо рта пошла пена. Ей влили ещё полстакана водки. Она зажмурила глаза. Открыла их, когда конюх стал

привязывать её морду высоко вверх. Так она и простояла часа полтора.

Приехал хозяин. Ходил взад-вперёд, вздёргивая руки к небу, суматошно кричал:

– Господи, не уберегли! А ведь предупреждал – смотрите за ней, глаз с неё не спускайте. Как могло так случиться? Какой дрянью её накормили?

– Мы не кормили и не поили, – испуганно пробормотал сторож.

– Я не о вас. Это Волчков, чёрная душа. Его это рук дело... Вот она, Фёдорович, улика! – подобрал он горсть пшеницы в стойле Лыски. – Вот ямка, где стояло ведро, здесь вот вода разлилась... Ну что за ироды, такую лошадь загубили!..

– Ты не переживай, будет жива, – обнадёжил его ветврач.

– Жива, жива, – недовольно пробормотал хозяин. – А как бегать-то будет? Бег не потеряет?

Врач вздохнул, развёл руками:

– К сожалению, бегать уже не будет. Куда ей бегать-то с больными ногами...

– Ах, ироды, без ножа зарезали! Что делать?

– Ждать.

– Чего?

– Приплода от неё.

– Спасибо, утешил. Хотел уже контракт подписывать с руководством ипподрома. А теперь жди. Дом, «мерседес», всё прахом...

Он подозвал табунщиков и сторожа:

– Смотреть за ней, глаз не спускать! Если с ней что случится, сам повешусь, но прежде вас повешу. Будем ждать приплод...

И с тех пор Лыска стала выполнять только одну обязанность: быть матерью и женой племенного жеребца. Она исправно жеребилась и старела. При встрече со своим коньком один разговор – о болезнях...

Потом её заставили работать. Ноги к тому времени почти восстановились. Она покорно шла в борозде. А если чуть уходила в сторону, пахарь возвращал её, прикрикивая, обратно. Закончив борозду, разворачивалась, и всё повторялось сначала. Потом её заставили возить воду в бочке на поля. Возницей стал малыш, один из сыновей конюха. Он подрос, вытянулся. Обычно он запрягал её рано утром, сонный. Зевал, но не забывал погладить, дать хлеб с солью. Лыска видела, как ему тяжело наливать бочку водой из колодца. Но он не жаловался, был даже горд, что ему доверили работать, притом на самой быстрой лошади. Хотя она, конечно, была уже не та.

Впрочем, на удивление всем Лыска стала постепенно поправляться. Ведь она ела в полях всё, что ей заблагорассудится: молодую свёклу, капусту, горох, вику. И день ото дня ощущала, как у нее прибавляются силы. Ноги перестали болеть, она стала больше бегать.

Неожиданно исчез её мальчик-возница: уехал в город

учиться, и она осталась без своего маленького покровителя. Вскоре хозяин передал её своему брату.

Однажды утром Лыска вышла из загона, разминая своё окостеневшее тело, потом зашагала к Волге, на водопой.

На берегу реки сидели двое – её новый хозяин, любитель костра и песни, и его друг – сосед Семён. Увидев её, хозяин обрадовался:

– О, вот и третья, компанию поддержит...

– Кто? – недоуменно спросил сосед.

– А вот, не видишь? – указал он на лошадь.

– Так это четвероногая.

– Ну и что? Мы тоже, когда лишку хватим, порой на чetyре точки встаём. Сейчас мы ей нальём.

– Не будет она, Николай.

– Будет. – Он отломил краюху хлеба, облил её из бутылки и протянул ей: – На, Лыска, хлебца хочешь?

Она потянула воздух ноздрями, в них ударил запах хлеба, который она так любила. Да и к запаху самогона уже привыкла, которым постоянно несло от людей. Она схватила хлеб и стала смаковать его своим беззубым ртом. Затем проглотила. По горлу прокатилось что-то горячее. И она вспомнила, что когда болела, что-то подобное ей давал ветврач от желудочных колик.

– А ты говоришь, не будет, – засмеялся Николай.

Отломил ещё ломоть и опять самогоном его полил.

– Ты, Николай, того, не очень тут распорядись. А то са-

мим ничего не достанется, – недовольно пробурчал Семён.

– Не жадничай! – снисходительно урезонил его Николай. – Пусть и кобыла приобщится к одному из четырёх удовольствий человеческой жизни.

Лыска съела и этот кусок. Неожиданно почувствовала внутри какое-то горьковато-лёгкое жжение, а затем приятная теплота разлилась по всему телу. Она опять потянулась к хлебу, лежащему на расстеленной газете. Но тут от берега подошли две женщины.

– Вот они где, паразиты! С утра пораньше глохнут! – закричала одна из них.

Другая подскочила и... бах ногой по бутылке.

Николай успел подхватить её, хлеб и кинулся прочь, Семён за ним. Добежав до кустарника, что рос на мысе, мужики бухнулись на землю. Николай проговорил, задыхаясь:

– Это надо же, бабьё, не дают отдохнуть трудящемуся человеку.

Лыска подбежала к ним и тихо заржала.

Они с удивлением посмотрели на нее.

– Гляди, припёрлась! – сказал Николай, – наверное, хочет ещё добавить... Они, лошади, слабоваты на алкоголь. А ну топай отсюда! – обернувшись к Лыске, прикрикнул он.

Та недовольно замотала головой.

– Смотри-ка, – удивился Семён. – Ещё и сердится...

– Оставь её в покое. У неё, верно, в голове гудит, как и у нас. Неровен час – ещё саданёт копытом... – опасливо про-

бормотал Николай, отодвигаясь подальше от лошади. Но, подумав, снова отломил ломоть.

– Всё, что ль, ей? – встревожился Семён. – Хватит. У неё утроба-то какая...

Они разлили самогон по стаканам. Николай смочил в нём хлеб и протянул Лыске:

– Хочешь хлебца?

Ну, конечно, хотела. Съев, решила ещё подойти к ним, но ноги не слушались её, в голове мутилось. Она глядела на двоих, а видела четверых. Ей стало не по себе, и она улеглась на землю.

Друзья допили самогонку и тоже легли. И как ни шумели прибежавшие женщины, что, дескать, пора на работу, им – что об стену горох.

– Вот ведь пристали, не дают отдохнуть по-человечески. А всё твоя Ольга, – посетовал Николаю Семён, когда они ушли. – Моя ни в жисть не побежит за мной. Хоть какого-нибудь цепняка приучить, чтобы отгонял их от нас...

С тех пор и повелось. Как только мужики с бутылцом усядутся возле сарая, Лыска тут как тут и ржёт требовательно, чтоб ей дали хлебца. Как-то раз Семён, разливая бутылку себе и другу, не предложил ей хлебца. Так она так цепанула его за плечо своими дёснами, что он, морщась от боли, заорал:

– Ты что, с ума сошла?!

А Лыска, не обращая внимания на него, схватила всю бу-

ханку. Семён выбил её у неё изо рта и замахнулся рукой. Лыске это не понравилось. Она сложила уши, завизжала и потянулась к нему, чтобы укусить.

– Ах, ты так! – Семён схватил доску, лежащую под ногами, и поднял её, тем самым увеличив свой рост на длину доски. Лыска сразу утихомирилась. По правилу табуна – кто выше, тот и сильнее. Она отошла и стала рвать траву, косясь на них с обидой. Семён, сжалившись, отломил хлеб, полил самогоном и со словами: «Хочешь хлебца?» – протянул ей. Забыв про обиду, Лыска жадно схватила ломоть.

Такая вот и пошла у них жизнь. Пили двое, а третья закусывала хлебом с самогоном. Всё бы ничего, да вот женщины покоя не давали. Шумели, осыпали проклятьями. Они убежали от них в кусты и продолжали там свои возлияния. И Лыска бежала за ними в кусты. Ещё один закон табуна: если все куда-то бегут, значит, и ты беги – где-то появилась опасность. Вечером она приходила в стойло и сразу же ложилась. А утром просыпалась и сразу шла к своим друзьям-людям. «Раз выпало мне такое наслаждение, – думала она, – что вместе с вкусным хлебцем мне дают огненную влагу, что сразу взбадривает меня, то зачем от неё отказываться?» Даже ноги её через какое-то время перестали болеть. Ей опять хотелось шагать, прыгать, ржать, пушить хвост... Потом одёргивала себя: «Я ведь не жеребёнок...»

Теперь она желала одного: чтоб люди всегда были рядом. И, когда она видела их, в душе у неё всё переворачивалось.

И она приветствовала их, если можно так сказать, нежным ржанием. Одного, правда, не любила Лыска. Когда они в жаркую погоду купались в речке, она с большим сочувствием к ним думала: вот они сейчас плавают, потом у них будут болеть кости. Как у неё от воды болят ноги. Потому она даже на водопое не ступала в воду, тянулась к ней только губами. Не выдержав, она звала их ржанием, как бы говоря им: вылезайте! Но они, не обращая на неё внимания, барахтались, визжали, махали руками. Ну совсем как шаловливые жеребята. Как-то она, забыв все свои страхи, кинулась в воду и стала подталкивать купающихся головой к берегу. Семён хотел нырнуть от неё и чуть не остался без волос. Лыска быстро окунула голову в воду, схватила за волосы и, мотнув головой, выбросила его из воды.

– Ах ты, сволочь ты какая! – не на шутку разозлился Семён и ударил её. Хмельная Лыска прижала уши, взвизгнула и толкнула его копытом так, что он слетел с катушек. На груди у него вздулся огромный синяк, который долго потом болел. После этого все ещё больше зауважали Лыску. Купались теперь только возле берега в тёплой илистой воде.

– Её тоже можно понять. Если она ржёт, значит, нас жалеет, – говорил Николай. – А как же, мы теперь друзья! Боится, что мы утонем, сердобольная лошадка.

Но, когда Лыска в сумерках, пьяненькая, являлась в табун, бывшая жена её сына-жеребца бурчала:

– Нализалась, как конюх. И прёт от нее человечинной. Дать

ей взбучку, ума у ней нет, как и у её сына.

Подходил её друг мерин.

Лыска, не глядя на него, храбрилась:

– Что вы понимаете в жизни? Я теперь с табунщиками на короткой ноге. За всю свою горькую и тяжёлую жизнь хоть теперь отдохну...

– Нашла чем хвалиться – своей пьянкой... Лягнуть бы тебя хорошенько по рёбрам, чтоб мозги на место встали, – сердито добавляла бывшая сноха.

На защиту Лыски, как всегда, вставал её любимчик старый мерин.

– Ох, мудра стала Лыска, – говорил он. – С самим хозяином трапезу делит... Больших высот достигла. Ох, мудра! Мы людей на себе возим, а она пьёт с ними.

Жизнь на селе шла своим чередом. Мужики днём работали, а вечером выпивали. Прятались от своих жён вместе с Лыской в кусты. И ломали голову, как отучить женщин шпионить за ними. Но после выпивки и купания все неприятности забывались и они блаженствовали, чувствуя приятную ломоту во всём теле.

– Хорошо живём, – говорил Семен.

– Грех жаловаться, – отвечал друг. – Только вот ещё нам бы собакой обзавестись.

– Хорошая идея. Тогда и баб можно было бы пугнуть...

Как-то, по обычаю, они сообразили на троих, сидя на бе-

реговом выступе у речки. Лыска, вздрагивая от нетерпения, ждала вожаденной минуты, когда ей предложат хлеб с самогоном. Но мужик-виночерпий даже не обратил на неё внимания. Налил себе, другим. Выпили. И он поднёс ко рту большой кусок хлеба. Лыска прижала уши, взвизгнула и так дёрнула его за плечо, что он волчком завертелся на месте, ничего не соображая. А она попыталась задеть его передним копытом. Мужчина помчался от неё сломя голову. Она – за ним, визжа и выбрасывая задние ноги вверх. Возможно, она догнала бы его, но её остановил ароматный запах свежего хлеба. Она вернулась, подобрала кусок губами и съела. Приятели переглянулись. Их будто осенило. Не следующее утро вчерашний виночерпий встретил их словами:

– Ну и кобыла у вас! Чуть не затоптала копытами. Ну ладно. Вы мне похмелиться-то оставили?

– Оставили бы... Только лошадь совсем с ума сошла. Схватила бутылку, запрокинула голову и – буль-буль, и нет самогона...

– Ну вы скажете тоже, – недоверчиво протянул тот.

– Не веришь? Посмотри бутылец, там пусто...

– Неужто сама взяла и выпила?

– А ты как думал? Мы, глядя, как ты удираешь, забыли убрать бутылку. Ну она и...

– Скажите уж лучше, что сами сглотнули. А на лошадь можно валить, она ведь скотина бессловесная, ничего не скажет.

Обидевшись, мужик отошёл в сторону, бормоча: «Сами, небось, выпили, а то ишь чего выдумали – кобыла...»

Как-то женщины сделали засаду на своих мужиков. Заранее выследили место, где они собираются. Пришли те вечером, сели на травку. Достали бутылочку, хлеб, лук, кто-то достал и огурцы.

– Вот они, голубчики, где расселись! – внезапно выйдя из кустов, злорадно протянула Ольга, жена Николая.

Неожиданно на её слова среагировали не люди, а лошадь. Она сложила уши, завизжала и кинулась к ним. Женщины в страхе пустились наутёк. Мужики захохотали:

– Что, взяли? – шумел им вслед Николай. – Скажи спасибо, что мы ещё собаке «фас» не сказали. Слопала бы она вас вместе с костями. Так что, когда мы отдыхаем тут, лучше к нам не подходите...

На радости он даже кинулся в пляс, хлопая ладонями по подошвам, колену, животу и груди. Семён плясать не умел, но свои чувства выразил так: заголил подол рубашки и звонко похлопал себя по животу, да ещё и показал кукиши двумя руками. Жена его возмутилась:

– Дурак, два кукиша жене показал! А я могу и все три: два на руках, а ещё один, заголив юбку.

Семён оторопел:

– Дура-баба, разве можно всем такое показывать? Это только мне можно видеть.

Женщины засмеялись. Улыбнулся и Николай. Как пока-

залось Семёну, даже Лыска оскалилась.

А мужики на радостях так её угостили, когда женщины ушли, что кобыла свалилась с ног. А затем и сами прилегли, положив головы на лошадиный бок.

– Эх и защитницу мы себе заполучили! – довольно хлопал её по рёбрам Семён. – Даже цари, императоры такой псяры-лошади не имели, хотя она и без зубов...

– Не болтай, один зуб у неё есть, – отозвался Николай и спьяну предложил сделать ей на него коронку. – У меня есть один знакомый, в тюрьге сидел. Так он из «рондоли» такие зубы мастерит – не отличишь от настоящих...

Пригласили «зубного техника». Тот посмотрел на зуб Лыски, подняв ей верхнюю губу. И деловито заключил:

– Можно сделать фиксу. Надо только пару датчиков водяных. Цена будет за работу – бутылка «горючего»...

– Литр, – расщедрился Николай.

Очевидно, был уверен, что «техник» ничего не сможет сделать.

Через два дня Лыска, усердно накачанная хлебом с самогоном, беспомощно лежала на земле, а «техник» с двумя мужиками, раскрыв её рот, приделывал фиксу. Она проснулась лишь к утру. Чувствуя во рту что-то постороннее, пошевелила языком. Вкус был такой же, как у железных удил, и она успокоилась. А к вечеру к ней подошли трое с бутылкой самогона. «Зубной техник» уже хотел её откупорить, как лошадь, заложив уши и всхрапнув, так толкнула его передней

ногой, что он кубарем откатился в сторону, заорав:

– Я тебя сейчас, зараза ты этакая!

Но она уже вставала на дыбы. «Техник» вскочил и понёсся, опережая свой крик:

– Убивает!!!

На его счастье, пробежать до ближайших кустов ему хватило нескольких секунд. На другой день он ещё не оправился от изумления:

– Что это с ней? Чуть меня не убила, зараза, хорошо, что самогон отстоял. Как он, цел?

– Какой там цел! Она так буйствовала, что пришлось пожертвовать бутылкой, чтоб душа у ней отмякла. Наверно, ты ей фиксу не так вставил.

– Это я-то неправильно? Да я на зоне десятки зубов вставил. Конфеты и сигареты потому у меня не переводились...

– Ну не знаю, – отворачивая смеющееся лицо в сторону, убеждал его Николай. – Смотреть на неё было жалко: то сядет на зад, задние ноги согнёт в коленях, то положит переднюю левую ногу на правую, а копыто к челюсти прикладывает... Ну точно, как человек! – фантазировал Николай. – Не иначе, ты чего-то не так сделал...

«Зуботехник» посмотрел на него с недоверием, но вдруг его осенило:

– Это я, наверное, кислоту не всю из коронки вымыл! Чуть-чуть, наверное, осталось, вот она ей зубик и растравливает... Ну ничего, поболит и перестанет.

– А может, ты снимешь её? Жалко ведь кобылёнку, – изображая искреннее сочувствие, предложил Николай.

Испуг заметался в глазах «зуботехника»:

– Нет, ни за какие коврижки к ней не подойду. Повторяю: помучается немного и так пройдёт. А если я сейчас к ней сунусь, эта стервоза и пришибить может до смерти. Век свободы не видать, но к ней я больше ни в зуб ногой. Тьфу ты, попался на язык мне этот зуб...

– Да она запросто может отомстить, они, лошади, злопамятны, – добавлял ему страху Семён.

– Да я ей даже на глаза не покажусь...

– А как же самогон, твоя доля? – спросил Семён.

– Бог с ней, тут не до жиру, быть бы живу.

Боль у Лыски действительно скоро прошла. Но теперь она ходила, блистая золотой фиксой на своём единственном зубе. Жена пеняла мужу в минуты его просветления:

– Ты, Николай, что, осатанел от своего первача? Над лошадей издеваться стал? Смотри, донесут, сядешь за это...

– Не посадят! Цыгане вон как лошадей бьют, и ничего им не бывает. А я ей, как человеку, коронку вставил.

Как-то попался им один «нелюбитель» до спиртного. Купил бутылку, хлеб. Пришли на берег. «Нелюбитель» поставил бутылку, положил на газету хлеб, а Лыска тут как тут, встала на дыбы и на задних ногах к нему. Он со всех ног от неё. Мужики так и грохнули, помахав ему вслед рукой. «Добычу» поделили на троих, как всегда.

На другой день встретили «нелюбителя» – сидел в одиночестве, хмурый. Подошли.

– Ты что убежал? Выпить расхотел?

– Как будто вы не знаете? Не видели, что ваша кобыла вытворяла...

– Да, Лыска у нас такая, своего не упустит. Ты убежал, а она бутылку в копыта, голову задрала – буль-буль... Мы даже не успели отнять. Она головой махнула, – бутылка через неё. Задними ногами как поддаст её вверх! Повернулась, на грудь её приняла, толкнула и коленками, как заправский футболист, сыграла по очереди то одной, то другой. Потом опять подкинула, повернулась и как брыкнет её обоими копытами – бутылка в кусты. От радости она так и захлопала в ладоши, – фантазировал уже похмелившийся Николай.

– Какие ладоши, у неё же копыта? – недоуменно перебил его «нелюбитель».

– Так я и говорю, что копытами захлопала.

– Ох и врать вы, ребята, мастера! Сами бутылку, небось, буль-буль – и в кусты. Как хотите, но за бутылку заплатите.

– Ладно! – согласились друзья. – С полочки отдадим.

Дальше больше. И вот уже один мужик рассказывал в изрядном подпитии:

– Пришёл я на берег с бутылкой. Купил на свои кровные, хотел выпить. А кобылица тут как тут. На дыбы – и на меня. Копыта, что жернова мельничные, зубы все в золоте, солнцем горят, того и гляди пламя изо рта вылетит, как у Змея

Горыныча. Ну я, понятно, так шуганул от неё, что пятки в зад впивались. Она за мной – вот-вот догонит! Взмолился я: Царица небесная, спаси и сохрани! Видать, она и отвела меня от гибели. Отстала эта пьяница от меня. А я ведь не верил, что она отнимает водку у людей. Теперь же на себе всё испытал, вот вам крест, ежели не верите...

Весть эта быстро разлетелась по селу. Николай с Семёном как-то хотели занять у одного сельчанина на выпивку. Но тот, наливая воды в радиатор трактора, посоветовал:

– Вы вот что, мужики! Вы к продавцу сходите с ней, со своей весёлой лошадкой, смекаете?..

Они, глянув друг на друга, даже рты раскрыли.

– Ё-моё, как это мы сразу не догадались? – воскликнул Семён.

С этих пор они стали хозяевами села. Отправляясь куда-нибудь, обязательно брали с собой лошадь. Особенно часто наведывались к продавцу павильона, где всегда собирались любители хватануть кружку-другую пива или чего-нибудь покрепче. Лыска, завидев толпу, прижимала грозно уши к голове, визжала. Все бросались врассыпную.

Хозяин-продавец высовывался в окошко:

– Я буду жаловаться участковому!

– Ну и жалуйся. Мы что, хулиганили? Лошадь пьяных не любит, а мы-то здесь причём?

– Вы с ней ходите!

– Ладно, давай сговоримся: пол-литра отступного, что-ни-

будь на закусон – и мы исчезнем.

Хозяин, скрепя сердце, выносил им всё, что они просили. Друзья угощались сами, не забывая угощать и свою лошадь, которая стала для них чем-то вроде «золотой рыбки».

– Хороша у нас лошадка – и охраняет, и водярой благодаря ей обеспечены. Вот женщин бы ещё нам приводила... – мечтательно улыбаясь, фантазировал Семён, лёжа на траве.

– А жёны как же? – иронично спрашивал Николай.

– Так она же бессловесная, не продаст нас, – парировал Семён и радостно смеялся.

– Ну ты не очень-то заносись, – урезонивал его Николай, – надо довольствоваться малым: водочку за счёт неё добываем, и то ладно.

А проснувшись с похмелья, брели с Лыской опять к павильону. Продавец однажды не выдержал, пожаловался участковому. Тот вызвал их к себе:

– Когда кончите дурака валять? За это ведь можно под хулиганскую статью подвести. А если трактуют как вымогательство, то небо вам в крупную клетку покажется.

– А мы что, мы ничего... Лошади эта пьянь не нравится, и всё тут. Она скотина безмозглая, ей что втемяшится в голову, то и выкидывает, – морщась, оправдывались они.

– Вы мне тут голову не морочьте! – прикрикивал участковый, платочком вытирая лоб, вспотевший от напряжения. – Если лошадь психически ненормальная, отведите её к психиатру или невропатологу...

– Ветврачей вроде бы и нет таких.

– Тогда на колбасу её сдайте.

– Так она стара, одни жилы. Кто её есть-то будет?

– Тогда я вот возьму и пристрелю её. А вы на скотомогильник отопрёте...

– Не имеете права. Лошадь – это частная собственность. И потом, что плохого, если она порядок на селе поддерживает? Не любит она, когда попусту ляды точат. Лошадь, а понимает, что работать надо, а не ляды точить.

Не найдя больше аргументов, участковый выпроводил мужиков. А сам подумал: «А-а, Бог с ней. Пусть живёт. Плохого ведь никому не делает. А что гоняет пьяненьких, то мне это даже на руку...»

На радостях друзья гульнули хорошо. В этот раз солнце сильно палило, спать в кустах стало жарко. Они стали расползаться, в прямом смысле этого слова, ища прохладное место. Николай забрался в сарай, на сеновал. Семён решил устроиться возле его стенки, где стояла старая заброшенная койка с панцирной сеткой. Плюхнулся на неё и уже стал засыпать, да мухи проклятые одолели. По пьянке плохо соображая, решил снять рубаху, укрыв ей лицо, руки, живот. Уснул мертвяком на туго натянутой сетке.

Спали долго. Проснулся Николай от поросычьего визга, решил: сосед свинью приканчивает. Сидел и ждал, когда кончится этот жуткий визг. Но он продолжался. «Эх, резак, ёлки-палки! Не могут дело как следует сделать. Руки таким

бы резакам оторвать!» Вышел из сарая и оторопел. Ибо это была не свинья. Визжал человек. Николай кинулся за сарай и увидел: Лыска мчалась к Волге, на другой конец мыса. А визжал по-свинячьи Семён, махая кулаками и ногами, не в силах оторвать спину от койки. Увидев Николая, он, кривясь от боли, заорал:

– Дурак, зачем меня к койке приклеил? Я не могу подняться... Спина болит, мочи нету...

– Зачем мне тебя приклеивать? Что мне, делов больше нету?

– Тогда что же это со мной случилось? – простонал он.

Николай присел возле койки на колени. Заглянул под неё и ахнул – грузное тело Семена словно продавилось в ячеи сетки, как тесто.

– Да ты, как студень, протёк сквозь сетку! – прыснув, ляпнул Николай.

Лицо Семёна стало белым.

– Помоги! – заорал он.

– Сейчас, я сейчас!

Николай лёг на спину и протиснулся под койку. Затем стал пальцем заталкивать вспучившиеся подушечки тела Семёна обратно в клетки сетки. Каждая такая попытка мучительно отзывалась в теле страдальца.

– Ой, ой! – стонал он.

А под койкой заходился в хохоте Николай.

Полчаса примерно был словно под пыткой Семён. Нако-

нец, освобождённый из плена сетки, он, кряхтя, уселся на койке.

– Ты хуже фашиста, – упрекнул он своего друга. – Не мог поосторожней это сделать, потихонечку?

– Это как же? Наоборот, надо было взять оглоблю, да по брюху тебя, – мигом бы вскочил!

– И то лучше, – согласился Семен, – чем такие пытки терпеть.

Николай помог ему встать. Домой Семён пришел на несгибающихся ногах. Приведший его Николай, зная нрав жены Семёна, во двор не пошёл. Она сама появилась на крыльце, чернее тучи.

– Припёрся, кот блудливый? Мало тебе водки, так ещё и по вдовушкам, видать, целую ночь протаскался? Вот и ступай к ним, не нужен ты мне...

– Да какая там вдовушка? Посмотри! – Снял он рубашку и повернулся спиной к жене.

Та ахнула.

– Это кто же так тебя исполосовал?

– Это от панцирной сетки спина так разлинована...

– Сейчас я, сейчас! – кинулась она ему помогать.

Осторожно ввела в дом. Кинулась готовить соляной раствор, тараторила:

– Надысь я эдак молотком себе по руке ударила, так рука возьми да и вспухни. Я её соляным раствором промывала, и опухоль сошла...

Она полила ему спину раствором, укрыла полотенцем. Стало полегче. Потом навела ещё содовый раствор и легонько, платочком, водила по вспухшей спине мужа. Стало ещё легче. От забот и ласки жены Семён расчувствовался. Поймал её руку, притянул к себе и, преодолевая боль, стал целовать.

– Что ты меня целуешь, как девочку? – чувствуя зовущую истому в теле, слабея, проговорила она. – И сама стала ласкать его.

Потом, лёжа рядом с ним, она недоумевала:

– И как это тебя угораздило?

– Как, как... От мух на сетке спасался, а она мне впилась в спину, будто сверху кто придавил...

– Ты как тот цыган, что бреднем от дождя укрывался. Так и ты – сеткой от мух.

И они закатились счастливым смехом.

А жена Николая тем временем всё-таки решила эти пьяные дела разрулить. Как-то в близлежащий город приехал цирк. В представлении участвовала и группа дрессированных лошадей. Узнав об этом, жена Николая с соседкой, женой Семёна, тайком от мужей купили билеты в цирк. О чём они говорили там с дрессировщиком, неизвестно, только кто-то слышал, как на выходе тот наставлял их:

– Бром надо применять, если беситься будет, и перчика красного добавить побольше...

Вернувшись домой, жена Николая стала подманивать ко-

былу:

– Лыска, Лыска! – звала она. – Подойди ко мне...

Но лошадь, сложив уши, с визгом убегала от неё. Потом женщина догадалась накрошить в ведро хлеб, смоченный самогоном. И лошадь сдалась – подошла, уткнулась мордой в ведро и жадно стала есть. Давно она не ела с таким аппетитом и так много. Когда она окончила, женщина хотела её погладить, но Лыска, мотнув головой, откинула мордой пустое ведро и побежала поспать к своим друзьям-приятелям. Проснулась уже к вечеру – вокруг никого не было. Делать нечего, поплелась домой.

Утром вновь пришла жена Николая с ведром, полным еды. Лыска поела и побежала к водопою. Попила и пошла искать своих приятелей. Они спали под кустами. Лыска побежала к ним, призывно заржала. Проснулся Семён, глянул на неё и пьяно пробормотал:

– Опоздала, у нас ничего нет, – и снова уснул.

Лошадь понюхала бутылку, из неё пахло тем, к чему её так тянуло. Она заржала от нетерпения получить эту огненную влагу. Но люди спали. Она топнула ногой – никто не проснулся. Тогда Лыска побежала к шинку, где сидели двое выпивох и пили пиво. Завидев летевшую к ним во весь опор лошадь, те, наученные горьким опытом, кинулись наутёк. Лыска по ступенькам проскакала к столам. В кружках был так называемый «ёрш»: смесь водки с пивом. Она сунулась мордой в кружку, повалив её. Содержимое потекло в тазик,

который на полу оставил хозяин павильона, когда мыл полы. Лыска – ко второму бокалу. И он разлился по столу, замочив воблу с хлебом. Лошадь жадно схватила хлеб, пропитанный «ершом». Воблу подобрала собака-дворняга, которая постоянно ошивалась здесь. Доев хлеб, Лыска ткнулась мордой в тазик. Выпив всё до дна, она захмелела. Покачиваясь, сошла с веранды и улеглась тут же, у павильона. Рядом пристроилась собака. Во сне Лыска радостно ржала, ей снилось что-то приятное. Собралась любопытная толпа. Пришла Оля, жена Николая, надела на голову кобылы узду, дёрнув за неё, подняла её и повела, покачивающуюся, к своему двору, оставив в одиночестве воющую собаку. Там она привязала её к телеге для исполнения своего замысла.

К вечеру Лыска проснулась. Ей захотелось пить, и она заржала. Вышла Оля с ведром воды. Напоив лошадь, женщина вернулась в дом, где уже была готова лента магнитофона, наговоренная голосом её мужа. Целых три дня ей пришлось помучиться, прежде чем удалось сымитировать голос Николая. Соседка Нина, глядя на неё, смехом изошла:

– Ты, Оля, теперь можешь на сцене выступать, пародировать голоса известных артистов и политиков. Люди посмеются, а тебе денежку дадут детишкам на молочишко.

– Если надо, я, чтоб своего мужа поставить на путь истинный, хоть в президенты готова баллотироваться...

Смех смехом, но голос мужа она воспроизвела довольно точно. Теперь, приведя лошадь, она вынесла магнитофон и

поставила его на крышу сарая. Потом принесла Лыске хлеб, обильно смоченный самогоном. Когда лошадь стала есть, она, забравшись на сарай, щёлкнула кнопкой магнитофона.

– Хочешь хлебца? Ешь, Лыска, ешь, – прозвучал оттуда столь знакомый Лыске голос Николая.

И она ела, тщательно пережёвывая хлеб, пока не почувствовала, как что-то невероятно жгучее опалило ей губы, язык, обожгло весь рот. Она мотала головой, ржала, но боль не проходила. Она была похожа на ту, когда однажды кузнец скруткой захватил её верхнюю губу и крутил до тех пор, пока свет не померк в её глазах. Когдаковка копыт была окончена, скрутку ослабили и к ней постепенно вернулось сознание. Она била ногой, пытаясь очистить что-то лишнее, прилипшее к копытам, но оно никак не отставало. Потом она привыкла к своим отяжелевшим копытам и даже находила в этом удовольствие, ибо теперь на склизе и на льду ноги не разъезжались. И даже на асфальте не стирала себе копыта до крови, как раньше. Всё это она прошла. Но та боль была связана с кузнецом, сейчас же кругом никого не было. Только из чёрного ящика на крыше доносился звучащий теперь издевательски голос её друга Николая: «Хочешь хлебца?»

Лыска кинулась со двора со всех ног. Остудив её морду, ветер снизил боль. Она бегала до изнеможения по ветру, пока ноги не подкосились от усталости. Она легла, вздрагивая от боли. Когда она утихла, Лыска встала и пошла к дому. Подойдя к нему, словно очнулась. Ведь ей сделали больно

именно в этом дворе! Остановилась, не решаясь зайти во двор. Только заржала. Вышла Ольга.

– Ох ты моя красавица, пришла! Сейчас, я сейчас!

Она вернулась в дом и вынесла хлеб. Лошадь потянулась к нему, раздавила мягкими дёснами и, подрагивая, начала есть, чувствуя запах самогона. И тут же через несколько секунд ей снова что-то жгучее опалило рот. Боль была настолько сильной, что она готова была даже к тому, чтоб ей оторвали губы, лишь бы избавиться от неё. А с крыши сарая вновь зазвучал голос её друга Николая: «Хочешь хлебца?» И тут ей стала понятна какая-то связь между этим ласковым голосом и невыносимой болью во рту. Она вновь умчалась со двора, оттопыривая губы. Голос Николая стал преследовать её везде: на улице, в кустах, на выступе, возле конюшни, – всюду, куда хитроумная Ольга переносила свой магнитофон.

И Лыска возненавидела и этот голос, и эти слова. Достаточно было кому-нибудь сказать ей: «Хочешь хлебца?», как она прижимала уши и, визжа, кидалась на человека. И тот в страхе бежал от неё. Дразнить её окончательно прекратили, когда один здоровенный парень предложил ей хлеб, сказав те страшные для неё слова. Вне себя, Лыска схватила его за волосы и так трепанула, что вырвала клочок. Парень еле ноги унёс. Зато Ольга вместо хлеба стала давать ей конфеты. Выходила, ласковая, и, раздавив карамельку, чтобы пахла яблоками, говорила:

– На конфетку.

Видя, что это не хлеб, Лыска тянулась к ней, подымала губу, сверкая фиксой, что приводило в восторг женщину.

Прошло время. Как-то ехали домой Лыскины приятели, в дороге переговаривались:

– Сейчас приедем, клюнем. Наша лошадка, поди, уже ждёт нас.

Приехали к обеду – и сразу в магазин, а оттуда на берег. Увидела их Лыска, радостно заржала. Друзья тоже от радости готовы были обнять её. Сели возле Волги, лошадь рядом. Налили в стаканы. Николай отломил краюху хлеба, полил из бутылки:

– Хочешь хлебца?

И тут случилось нечто неожиданное. Кобыла прижала уши, схватила его за кепку на голове и сильно дёрнула. Хорошо, что Николай был в кепке, а то бы часть волос осталась у неё во рту. Все испуганно вскочили.

– Ах ты сволочь! К тебе с добром, а ты что делаешь?

Николай кинулся в кусты, схватил там доску. Замахнулся. А Лыска на задних ногах к нему, быстро перебирая передними копытами. Друзья струхнули не на шутку и понеслись, как орловские рысаки, стелющей рысью, запрокинув головы. Через двухметровый забор даже не заметили, как перемахнули. Не сбавляя скорости, залетели в сарай. Лыска за ними, бьёт задними ногами по двери. Мужики мигом подпёрли дверь, торопливо вставили засов. Но дверь была старая, еле висела на петлях. После сильного удара передними копыта-

ми она сорвалась с петель. Мужики врассыпную. Прибежали домой, чуть живые от страха.

– И что это с ней? На старости лет ума лишилась? – тяжело дыша, прохрипел Семён.

– Наверное, к какому-нибудь алкашу полезла, а тот шандарахнул ей по голове, вот она и взбесилась...

Тут вышла из дома Ольга, торжествующая, весёлая. Увидев подбежавшую Лыску, нежно так, ласково произнесла:

– Конфетку хочешь?

Лошадь приоткрыла губы, словно в улыбке, сверкнула «золотым зубом», взяв конфету. Мужики переглянулись.

– Вот что, мужики, отдохнуть будете на Волге вместе с нами. Теперь лошадь наш защитник. Вы согласны? – спросила Ольга с видом превосходства над ними.

– Да, согласны, – дружно отозвались они.

С тех пор люди угощали Лыску только конфетами. И наступили для неё сладкие времена.

ВЕДОМЫЙ СТРАХОМ...

Я сидел в купе поезда и читал повесть Пушкина «Выстрел». Напротив немолодой человек пил чай из стоявшего на столике термоса.

– Отец, присоединился бы ты ко мне, вдвоём веселее. Пушкина всё зубришь, – сказал он, заглянув в книгу. – «Выстрел»?

Я положил книгу на стол.

– Да, а что?

– Так вещь себе ничего, но один изъян есть.

– Какой?

– Как вы думаете, сможете вы стоять под пистолетом и есть, с полным равнодушием к своей молодой жизни?

Он встал, открыл окно. Был он сухопарый, чисто выбрит. Глаза серые чистые, прямой нос.

– Природка... – пробормотал он, веселя лицом.

– А причём здесь стоять и есть?

– Притом, что я воевал. Когда бьёт пулемет, шкура на спине будто отстаёт, холодный пот ручьём бежит по хребтине. И ни о чём не думаешь. Порой даже забываешь, что у тебя есть сапёрная лопатка, – пальцами роешь землю, лишь бы зарыться в неё, спрятаться. А я человек не робкого десятка. Так что наврал ваш Пушкин. Надо было ему написать, что ел, но был бледен, как полотно.

Он открыл сумку, достал яйца, шмат сала, хлеб. Выложил всё это на белый платок.

– Давай поедим, а то ведь чай – не еда, – сказал он, указав мне глазами на разложенную снедь.

– Я не голодный.

– Наши великие писатели не испытывали страха смерти на себе. Потому так и писали, – продолжал он.

– Ошибаетесь. Все они были под пулями и погибли от них.

– Но писали неверно. Взять хоть бы Лермонтова. Перед дуэлью его Печорин говорит в «Герое нашего времени»: «Я

не помню утра более свежего и прекрасного». Да если человек идёт на смерть, он не думает о ней, о природе, – он разволновался, сел на своё место, руки его тряслись. – Гнусь всё это: война, смерть...

Он встал, достал пачку сигарет:

– Пойду траванусь, – но тут же раздумал, сунул сигарету в карман. – Хотя в минуты порыва чего только человек не сделает... Я служил недалеко от Баку. На аэродроме, в автороте. Хвосты самолётам заносил, как говорили у нас. Часть наша состояла из лётного полка и его obsługi. Хотя мы только обслуживали его, но всё-таки носили голубые погоны и в душе считали себя птичками небесными. Познакомившись с людьми, плохо знавшими нашу службу, хвастались, что летаем, прыгаем с парашютом. Сам я, правда, прыгал со спецвышки, которая у нас была в части. Залезаешь на неё, надеваешь амуницию и прыгаешь. Ролик катится по тросу вниз – и ты приземляешься. Но это было после карантина, где я познакомился с одним мальчиком.

Заприметил его в первый же день приезда. Был он худ, голубоглаз, с тонкой шеей и белокурыми волосами. Помнится, выйдя из казармы, я увидел огромный самолёт, поднимавшийся со взлётной полосы располагавшегося поблизости аэродрома. На него, разинув рот, смотрел девочка-мальчик в мешковато сидевшей солдатской форме. По-видимому, он впервые видел так близко самолёт. Ну, как не подковырнуть такого простака, над которым сам Бог велел посмеяться? Я

подошёл к нему и рукой поднял его отвисшую челюсть, закрыв ему рот. Он повернулся ко мне и спросил:

– Чего это он так дымит?

– Солому сырую в топку заложили, – сказал я, улыбаясь.

– Лодыри! – неожиданно воскликнул он.

– Кто? – не поняв, спросил его я.

– А энти, которые полетели.

– Почему?

– Потому что у нас в Сибири в лесу, если сырые чурочки заложишь в топку машины, мой батя за это мог и выпороть...

Тогда я ещё не знал, что существуют газогенераторные машины, которые работают на топливе, получаемом от сгорания дров. Подумал, что этот простак тоже умеет подковыривать. Как бы там ни было, но я его зауважал, протянул руку и представился:

– Виктор.

– Ванюша, – ответил он, пожав мои пальцы.

Мы с ним сразу сдружились. Человек он был безотказный. Что ни попроси, – сделает. После принятия присяги мы в первый раз пошли в увольнение. Кстати, в Баку тогда продавали вино, как сейчас говорят, по отпущенным ценам. Если у тебя денег не хватит на бутылочку неплохого виноградного вина, его так дадут. Но, если переплатишь, сдачи не дождёшься. Конечно, солдаты пользовались этим и, как правило, недоплачивали. При этом, если шли в увольнение человек пять, то каждый брал бутылку по очереди в разных ки-

осках. Таким образом мы сэкономили на сигареты. Так вот, выпив и завеселев, мы пошли поглазеть на Девичью башню, что стояла на берегу Каспийского моря, и, может, даже представить себе красавицу-девушку в окне, которая, по преданию, бросилась в море с высоты башни, в которую её запер то ли отец, то ли муж, точно не помню. Башня была высокая, круглая, грубо сложенная из камней. Мы глазели вверх, на окно, и дух легенды захватил меня. Я живо представил, что ей пришлось пережить, прежде чем она решилась на такое.

– Врут всё. Оттуда не прыгнешь – страшно, – недоверчиво протянул Ванюша.

– Ну почему же? Решится человек и прыгнет. Да вот доказательство того, что может сделать человек, если захочет, – возразил я и указал на парашютную вышку, которая стояла неподалеку, упираясь верхом в редкие облака.

– Кто прыг нет? – спросил Ванюша.

– Я это сделаю, – пробормотал я, хотя в душе не был в этом уверен.

– И я рискну, – подхватил он.

Разгорячённые вином и полные желанием испытать себя, мы направились к вышке. Я первый полез наверх, за мной друг.

– Постой! – закричал он мне, когда мы поднялись метров на десять. – Я не полезу.

Я остановился, глянул на него и сам испугался. Он весь побелел, вцепившись руками в поручни лестницы и прилип-

нув грудью к ступенькам.

– Я не могу, у меня кружится голова. Наверное, у меня болезнь – боязнь высоты, – смотрел он на меня расширенными глазами.

– Зачем ты тогда согласился лезть и прыгать?

– Я думал, что смогу.

– Тогда спускайся.

– Не могу один, помоги...

– Ребята нас засмеют. Не смотри вниз, смотри вверх и спускайся, нащупывая ногами ступеньку.

– Не могу, не могу...

– Спускайся, парашютист грёбаный! На нас уже смотрят, – грубо крикнул я. – Тут низко, упадёшь – не разобьёшься...

Я видел, как он дрожащей ногой стал на шаривать ступеньку, тянулся к ней носком ботинка, но руки от стояка оторвать не мог.

– Чёрт! – с досадой сказал я.

Спустился, стал сзади него, обхватил одной рукой его за талию, а другой держась за стойку, повторяя ему спокойно: «Я с тобой», спустил его вниз. Ребята подняли нас на смех.

– Что, трусили? Это вам не с учебной вышки прыгать по тросу каната...

Их смех задел меня. Я решил им доказать, кто есть кто, и снова полез по лестнице на вышку. Дошёл до половины, метров двадцать пять, глянул вниз и от страха прижался грудью к ступенькам лестницы. Мать моя женщина! У меня начала

кружиться голова, стало сухо во рту, хмель быстро улетучился. Внизу, запрокинув головы и поддерживая рукой шапки, чтоб они не упали с головы, смотрели на меня ребята.

– Смотри, даже не шевелится, оцепенел от страха! – хотали они.

Наверху это было хорошо слышно. «Нет, смеяться надо мной ещё рано», – пробормотал я. Стиснув зубы и прижимаясь плотнее к лестнице, полез вверх. Но настоящую почувствовал опасность, когда буквально вполз в полу-трубовидный туннель лестницы, которая в этом месте изменила форму, чтоб человек не упал. К стойкам лестницы были приварены полукольца, и ты как бы ползёшь вверх по полутрубе, сделанной из прутьев металла. Наконец, моя голова показалась в полукруге отверстия площадки. Первое, что мне бросилось в глаза, – ребристый металлический пол. К нему приварены решётчатые ограждения, метра полтора в высоту, и дверца. Ограждения сделаны добротнo. Прутки сварены на полметра от края и с укосинами к краям площадки. Я с большим усилием втащил на неё своё тело. Стоял на одной коленке, но не мог подняться, так как мне показалось, что площадка так сильно качается, что, стоит мне только оторваться от пола, она сбросит меня, как норовистый конь. Я боялся даже голову поднять.

– Ты долго ещё будешь мурзюкать пол, он ведь не сахарный? – услышал я голос.

Я поднял голову, увидел через стойки изгороди, как мимо

с огромной скоростью несутся облака.

– Подымайся! – продолжил какой-то маленький, юркий человек. – Или спускайся назад.

Я показал ему фигу и, как пьяный, что цепляется за забор, чтобы подняться, так и я, ухватившись за стойку изгороди, встал. Вышка вроде бы действительно качалась.

– Ты прыгать будешь? – спросил коротышка.

Я кивнул.

– Двадцать копеек.

– В кармане возьми.

Он полез в мой карман. Вынул мелочь, отсчитал двадцать копеек, остальные сунул назад, хихикнув при этом. Я подумал: дай он мне сейчас затрещину, я даже не шевельнусь. И эта оскорбительная для моего самолюбия мысль вдохнула в меня немного смелости.

– Одевай! – сказал я.

Отрывая по очереди мои руки от поручней, он натянул на меня амуницию. Одна рука, державшаяся за поручни, придавала мне уверенности. В случае чего, я удержусь на ней. И если ветер сбросит меня вниз, я успею ухватиться другой рукой и влезть снова на площадку. Коротышка открыл дверцу:

– Прыгай!

Перебирая руками, словно слепой, трубки изгороди, я стал двигаться к дверце. Глянул вниз. У меня сразу закружилась голова. Какая-то неведомая сила тянула меня назад.

– Толкай! – заорал я, закрыв глаза.

Он стал за локти отрывать мои руки от перил загородки. Но тщетно.

– Руки вверх, стреляю! – неожиданно заорал он.

Я вздрогнул и отпустил руки. Он так сильно толкнул меня под зад ногой, что я выгнулся до хруста в спине и полетел вниз. От страха сердце замерло, поднялось и подкатилось к горлу, душа ушла в пятки. Я чуть не задохнулся, шапка слетела с моей головы. Но, когда меня дёрнуло и надо мной раскрылся небольшой круглый парашют, сразу стало легко. Я смотрел на море и видел, как чайки кружат над ним. Радостный и счастливый, я даже не заметил, как на середине вышки пошёл с лёгким шелестом по тросу вверх перетягиваемый моим весом груз, не давая мне набрать чрезмерную скорость при падении. Приземлился я легко. Правда, колени мои чуть не оборвали мне уши, к тому же я едва не ткнулся носом в землю. Подбежавшие ребята освободили меня. Подали шапку, нетерпеливо спрашивали:

– Ну как?

Признаться, больше всего я досадовал оттого, что при ударе шапки о землю от её звёздочки отделилась красная ребристая эмаль, что придавала ей блеск и красоту. Предчувствуя, что старшина за это шкуру с меня спустит, я шёл и бормотал:

– Эх, звёздочка, звёздочка...

– Не горюй, у меня есть лишняя, могу удружить, – сказал один солдат. – Да вот же она!

Он бесцеремонно сорвал с Ванюши шапку, дал ему шел-

бан по стриженной наголо голове и стал снимать звезду. Я вырвал у него шапку, нахлобучил её Ване на голову.

– Он всё-таки попытался прыгнуть, а вы и того не сделали, понятно?

– Как скажешь, – промямлил солдат.

По дороге в казарму я спросил Ваню:

– Ты что испугался? Никогда в детстве с крутого берега не прыгал?

– Прыгал с небольшого бережка, но там внизу вода, знаешь, что не разобьёшься, – упавшим голосом ответил он.

После этого служба у Ванюши стала тяжёлой. Если в паре натирали в казарме полы, то его посылали в сушилку, где висели портянки и запах стоял невероятный. Одним словом, посылали туда, куда «старики» даже близко не подходили. Я жалел его и, если на него очень сильно налегали, вступался за него, говоря:

– Ванюша сегодня не пойдёт. Надо быть честными в отношении него – по очереди всё делать!

Но самые упорные не оставляли его в покое. А мне целую неделю ночами снились кошмары. Почему-то один и тот же сон – как будто я слетаю с крыши высокого дома. Замираю от страха, сердце готово лопнуть при мысли, что я сейчас расшибусь, но почему-то падение плавно замедлялось у земли, и я легко приземлялся. Сперва я просыпался в холодном поту. Но потом, хотя сон повторялся, я уже не просыпался. У меня во сне даже пришла мысль, что, в отличие ото

всех, я могу летать. Как будто наяву, оттолкнувшись от земли, подымался вверх и зависал невысоко над землёй, медленно затем опускаясь. Но всё же всё остальное было для меня кошмаром. И, я думаю, только оттого, что в свободное время занимался почти всеми видами спорта, я смог перенести всё это. Ведь подобные сны продолжались целый месяц. В конце концов я решил повторить свой прыжок. Как раз пришла моя очередь идти в увольнение. Но каким-то образом слух о моём новом прыжке пронёсся по части. Поэтому, провожая нас пятерых в увольнение, уже не старшина, а сам командир роты предупредил:

– Ещё раз прыгнешь – губа тебе обеспечена! И в отпуск домой не поедешь. Это приказ. Не хватало ещё, чтоб ты покалечился. Мать с отцом тогда всю жизнь будут меня проклипать. Они послали тебя сюда, чтобы ты вернулся живым и здоровым. Из-за тебя я очередного звания могу лишиться. Вы молодые, вам всё до лампочки. А у меня семья, дети, лишняя копейка за большую звезду не помешает. Прыжки с вышки, я считаю, это столбовая дорога в гроб. Ты понял меня? Не прыгать – это приказ!

– Есть!

– Вино не пить, с вышки не прыгать, следить за формой одежды, с гражданским населением быть вежливыми и предупредительными. Идите.

Мы ушли. И добросовестно выполнили все его наставления, кроме одного: я снова полез на вышку. Чтобы зарабо-

тать характер, как думал я. Говорят, что привыкаешь к высоте. Не думаю. Инстинкт самосохранения не уничтожается. Он в природе заставляет животное бежать от хищника. А хищника – от более сильного, и так далее. Только человек может силой своего ума или безумия пойти против этого инстинкта. Даже пойти на жертвенность. И я лез, хотя от высоты у меня снова кружилась голова. Я прижимался грудью к перилам лестницы. При мысли, что снова придётся пересилить себя, чтобы не повторился ужас первого прыжка, струйки пота потекли по спине. «Трус, – пробормотал я про себя, – чего ты боишься?» И злость на себя самого заполнила меня.

Я довольно энергично вылез из полутрубы. На площадке встал, уцепившись одной рукой за пруток изгороди. По-видимому, злости в моём лице было очень много, потому что уже знакомый коротышка сразу узнал меня. Впрочем, и мне как не узнать было человека, который некоторое время назад дал хорошего пинка пониже спины. Он, очевидно, решил, что я хочу отомстить ему за это, поэтому попятился к изгороди, прижался к ней и, заикаясь, произнёс, белея лицом:

– Я, я только легонько вас толкнул. Вы, видно, не ожидали, потому и сорвались так...

– Одевай! – прохрипел я. – Буду прыгать, пока они, проклятые, не прекратятся.

– Кто?

– Сны.

– Ага, понятно, – сказал он, хотя, видно, так ничего и не понял.

Одевал он меня уже без рывков и толчков. Как видно, он зауважал меня. Поэтому, когда я протянул ему двадцать копеек, отвёл мою руку:

– Не надо.

Закончив, одёрнул амуницию, посмотрел на меня с какой-то загадочной улыбкой и спросил:

– А помощь на этот раз не нужна?

Я посмотрел на него. На лице его застыла всё та же трепетно-радостная улыбка ожидания. Видно, ему очень хотелось доставить себе удовольствие, ещё раз дав мне пинка под зад.

– Не надо, сам прыгну, – разочаровал я его.

– Есть же сумасшедшие люди: на земле боятся, а всё-таки прыгают, – пробормотал «небожитель», открывая дверцу.

Он выжидательно посмотрел на меня. Я точно представил себе весь маршрут спуска, закрыл глаза и кинулся в калитку. Шаг, два, третий уже сделал в пустоте. И полетел в пропасть...

Вскоре по части распространился слух, что я снова прыгнул с вышки. Командир вызвал меня к себе.

– Вы не выполнили мой приказ.

– Я, я... – запинаясь, начал я.

– Трое суток гауптвахты. Пойдёте сами в гарнизонную гауптвахту, без сопровождающих. Надеюсь, у вас хватит благоразумия на этот раз выполнить мой приказ. Идите.

– Есть.

Я шёл и, бодрясь, вспоминал армейскую поговорку: тот не солдат, кто не сидел на гауптвахте. Ладно, три дня отсиджу, но как со снами быть? Они ведь не прекращались. Занятый своими мыслями, я вдруг услышал:

– Рядовой, почему честь не отдаёте?

Я вздрогнул и остановился. Передо мной стоял знакомый мне по спорту молодой лейтенант. Я отдал ему честь, и он дружески протянул руку:

– Поиграем вечером в ручной мяч?

– Не могу.

– Почему?

– Иду на гауптвахту.

– За что?

– С вышки в Баку прыгнул.

– Ну за это в авиационной части не сажают.

– Не выполнил приказ.

– Это меняет дело. Приказ есть приказ. Кто арестовал?

Я назвал.

– Ладно, топаем назад. Я не могу отменить его приказ, но мужик он покладистый. Поговорим и решим.

Мы вернулись к штабу части. Лейтенант вошёл, через некоторое время вновь появился.

– Порядок. Значит, прыгать хочешь?

– Да.

– Тогда чего же дурака валять? У нас при полку есть взвод

прыгунов, приходи. Там сразу с самолёта прыгают.

– А я решил сперва потренироваться, прыгая с вышки.

– Тебя там всему научат и натренируют, так что приходи!

И назначил время. В части я теперь ходил героем, с гордо поднятой головой: я, мол, прыгнул, а вы нет. Пока мою спесь не сбил Васька Соловьев:

– Ты не очень зазнавайся. Видели мы, как ты пинок под зад получил, прыгнуть сам не смог...

Я промолчал, сразу сник. Гордость моя улетучилась. И всё-таки я решил доказать всем, что я не трус. Пришёл к командиру роты, представился, как положено солдату, и попросил разрешения прыгать в спецвзводе. К моему удивлению, он не стал меня уговаривать отказаться от моей затеи. Выслушав меня, коротко бросил:

– Разрешаю. Идите!

– Есть!

В спецвзводе я получил сперва инструктаж. Затем пошли прыжки с вышки, отработка, приземление. Элементарное понятие о парашюте: как его складывать. Правда, самостоятельно перед прыжком парашют не разрешают складывать – его проверит и сложит инструктор.

Через две недели я уже сидел в самолёте. Вдоль бортов его два длинных сиденья. Над головой трос, от него к спине каждого спускается фал. Находившийся с другой группой мой **крестник** лейтенант ободряюще мне улыбнулся. Но я сидел и трусил. Чувствовал, как руки у меня дрожат, гулко стучит

сердце. А про себя думал: «Два шага до двери, глаза закрою и прыгну». Эта мысль не уходила из головы до тех пор, пока не замигала лампочка, означающая, что пора прыгать. Дверь открыли. Усилился гул, в салон ворвался ветер. Сосед толкнул меня под бок. Я вскочил и чересчур резво пошёл к двери, забыв о том, что я не один, лишь бы быстрее выпрыгнуть. До меня донёсся ободряющий голос инструктора:

– Орлы, за мной!

И он первый исчез в проёме двери. Я чуть не сшиб впереди идущего парашютиста, налетев на него. Он споткнулся перед дверью и кинулся головой вперед. Я за ним, закрыв глаза. Не помню, как дёрнул фал, выхватил парашют из мешка. И лишь когда меня дёрнуло, подняло вверх и надо мной раскрылся купол парашюта, я вздохнул свободно. Мимо меня пролетело тело моего товарища лейтенанта.

«Силён! – с восхищением подумал я, глянув на своего напарника. – Затяжным пошёл...» Но он как-то странно извивался, руки у него были сзади спины. Я понял, что случилось, и облегчённо вздохнул лишь тогда, когда недалеко от земли всё-таки раскрылся его парашют. Приземлился я удачно и, увидев, что все бегут к напарнику, скомкал свой парашют и тоже побежал к нему. Он стоял бледный, с опущенными руками, из пальцев капала кровь – ногти отстали от мяса. Он морщился от боли, повторяя:

– Вот как бывает. Пришлось мешок разорвать, чтобы выкинуть парашют...

Подошёл инструктор, хрипло пробормотал:

– Сынок, мой грех. Доверил тебе самому парашют складывать, – и поцеловал его. – Живой?! Ну и слава Богу!..

– Дурак я! – обозвал сам себя тот и пошёл, отстегнув мешок.

Я двинулся за ним, таща парашют. Он остановился, заулыбался, морщась от боли:

– Ты так и будешь бежать за мной с парашютом?

– Я больше прыгать не буду. Не хватало ещё разбиться. Тут по земле ходишь, спотыкаешься, а с небес упадёшь – костей не соберут.

– А я буду прыгать! Думаешь, костлявая запугала меня? Я рождён прыгать с высоты. И пусть она не думает, что запугала меня! – он поднял руку и погрозил кому-то кулаком, потом опять сморщился от боли, добавил: – Болит, зараза, в санчасть надо.

С этого дня я перестал даже думать о прыжках. Жизнь текла нормально. Мы возмужали, прослужив год. Кое-кто собирался в отпуск. Засобирился и Ванюша, наш безответный Ванюша. Как-то в личное время он надел мундир и, стоя перед зеркалом, самодовольно крякнул и произнёс, счастливо улыбаясь:

– Приеду домой, по селу пройду – все девчонки в меня влюбятся. – Затем, будто сконфузившись оттого, что свои заветные мысли высказал вслух, быстро ушёл в каптерку.

Как бы там ни было, но у Ванюши всё-таки был железный

характер. Однажды ночью нас подняли по боевой тревоге. Мы оделись, вооружились и построились на плацу. Командир роты объявил боевую задачу:

– Противник, в количестве трёх человек с пулемётом, занял господствующую высоту. Ваша задача: подняться наверх, забросать противника гранатами и занять высоту.

Старшина роты выдал всем по три деревянные гранаты, похожие на немецкие с ручкой, вроде колотушки, которой женщины толкут картошку. Господствующая высота называлась «Сопка наша – сопка ваша», потому что утром вместо гимнастики мы бегали наверх. Преодолев шестьсот метров и отдышавшись наверху, бегом спускались вниз. На этом наша гимнастика заканчивалась.

Командир роты подвёл нас к исходным позициям у подошвы горы. Сбоку у него висела полевая сумка, в руке рупор. Отдал команду, и мы цепью стали подниматься вверх.

– Залечь, – приказал комроты, – и ползти...

Мы так и сделали. Оставалось метров сто до вершины, когда сержант, командир отделения, встал и, картинно рисуясь, заорал:

– Вперёд, за Родину!

Мы поднялись. И тут сверху ударил пулемёт. Куда он стрелял, я, конечно, не знаю, но мне казалось, что все пули летят в меня. Я повернулся и понёсся сломя голову вниз. Я бегал быстрее всех в части, но мои самые быстрые ноги оказались бессильны обогнать человек двадцать, которые неслись впе-

реди меня. Командир роты заорал в рупор:

– Почему отступаете? Залечь, рассредоточиться и выбить противника!

Мы залегли. Наш боевой сержант кричал:

– Вперёд!

Но сам полз назад. Это заставило меня улыбнуться, что сняло напряжение. До меня, наконец, дошло, что это учебный бой. Я поднялся и, согнувшись, петляя, побежал наверх, решив: «Обязательно гвоздану кого-нибудь гранатой за то, что сделали меня трусом...»

Подбегая к вершине, я весь сжался: сейчас ударит пулемёт – и я снова буду праздновать труса. Но, к моему удивлению, на вершине уже стоял Ванюша. Только он один из нашей роты не побежал и, словно провожая дорогих гостей, махал ручкой пулемётчикам, отъезжавшим на машине по другому скату горы. Он был явно доволен собой, небрежно заметив:

– Врезал одному по спине гранатой. Пришлось извиняться, делать ему ручкой.

Я совсем другими глазами смотрел на него: прыгать боится, а тут проявил себя геройски.

При разборке действия роты в «бою» командир роты объявил Ванюше благодарность. Видно было, что ему это очень приятно, потому что он так гаркнул: «Служу Советскому Союзу!», что вся рота вздрогнула. Потом все заулыбались. Даже командир роты, тая в губах усмешку, повернулся в его

сторону.

Но и после этого эпизода Ванюша всё так же часто получал наряды вне очереди. Я говорил командиру отделения:

– Почему только он? Ведь другие тоже баклуши бьют.

Тот морщился и отвечал:

– В армии кто везёт, того и погоняют. Один в клуб ходит, видите ли, «певец великий» в хоре поёт, другой – спортсмен, третий – штабной писарь, и так далее... Пусть ходит. Это ему не повредит.

Нашу часть перебросили на танковый полигон. Формировали автобатальон для переброски его в Сибирь для участия в уборке урожая, но машины задерживались с прибытием. А пока на сомятине и других дармовых харчах, бездельничая, мы отъелись. В часть прибыл зам. командира округа по тылу. Обходя строй, он приказал командиру автобатальона, следовавшему за ним:

– Всех под танки! Обкатать их, – и уехал.

Танки мы видели впервые, хотя многие из нас по военной профессии были механики-водители боевых колёсных машин. Снова построились. Командир роты поставил задачу:

– Засесть в окопе с двумя противотанковыми гранатами. При подходе танка к окопу на десять метров начинается его мёртвая зона. Он из пулемёта не может стрелять, так как пули летят поверх человека. В это время надо бросить гранату, нырнуть в окоп, сжаться в коленях, руки на каску, чтобы

в случае если засыплет окоп, можно было руками разрыть землю и вылезти...

Никогда не забуду, как я стоял в окопе и эта бронированная громадина на большой скорости летела на меня. Ухнул выстрел. «У-у-у», – запела болванка, летящая через меня в цель, и мне почудилось, что на спине отстала кожа. Под ноги струйкой сыпались камешки. Я глянул на руку, которая лежала на бруствере, это она, дрожа, осыпала их. Метров за сто до танка я кинул гранату и сел в окоп. В нём потемнело, потом стало светло. Танк пронёсся надо мной. Не знаю, кто сильнее дрожал: земля или моё сердце, но, как бы там ни было, я облегчённо вздохнул и бросил ему вдогонку ещё одну гранату, попав на радиаторную решётку. Это и спасло меня от разборки на построении роты. Задача была – двумя гранатами уничтожить танк. А Ванюша уничтожил танк даже одной гранатой: подпустил его поближе и швырнул её под днище. Он был представлен к званию «ефрейтор». Надо было видеть, с какой радостью он нашивал себе лычку на погоны.

– Ты теперь, как Гитлер, он ведь тоже был ефрейтором, – ядовито острили те, которые струсились, а такие были среди нас.

Началась афганская война. Нашу часть перебросили в район боевых действий. Мы обосновались недалеко от небольшого городка, который стоял у самых гор. К нам во взвод прикомандировали двух уже обстрелянных сержантов.

Один из них был с рябинками на лице. Как нам рассказали, он сидел возле машины, у задних баллонов, в тенёчке. Пуля снайпера, пробив ему ключицу, ударила в баллон, раздался оглушительный взрыв. Каменистая почва, вздыбившись от него, выбросила тысячи камешков. Они-то и испестрили его лицо. Сам он был мусульманин, привёз с собой религиозные книги: Библию, Коран и другие. Я спросил его раз:

– Ты что, философ, богослов? Веришь во всех богов? – указал я на стопку его книг.

Он грустно улыбнулся:

– На войне во всё поверишь, лишь бы выжить. Поэтому читаю и молюсь всем богам. Какой-нибудь да поможет, – и умолк.

Я не стал больше лезть ему в душу.

Другой был высокий, со шрамом, идущим со лба, через глаз на щёку, отчего казалось, что глаз удлинён вверх и вниз, а не по горизонтали.

Наших командиров отделений отправили в тыл, а эти двое держались особняком. Они не распространялись о своих подвигах на фронте, молчали. По-видимому, у них была задача: подучить нас, необстрелянных, показать, как вести себя в боевой обстановке. И мы старались подражать им, равнялись на них. Они научили нас иметь при себе пустые бутылки из-под пива, ситро, которые хорошо глушили выстрел. Правда, вести прицельный огонь с ними нельзя и командиры запрещали их держать. Но мы всё же хранили их для форсу, чтобы

создать впечатление, что мы были в бою, понюхали пороху.

Всё это время нас не выпускали из гарнизона, обнесённого плитами, колючей проволокой. Мы жили в палатках. Хоть было тепло, но ночью подтапливали печки. Прокаливали в них кирпичи, потом опускали их в ведро с соляжкой. По одному их вытаскивали, кололи на куски и бросали на колосник печки. Затем зажигали бумагу. «Половинка» сперва дымилась, потом пары соляжки вспыхивали, пламя вылетало из открытой дверцы. Тогда закрывали поддувало и бросали ещё обломки кирпича. Печка раскалялась, и в палатке становилось тепло.

Жили мы, в общем, спокойно. «Духи» с гор, правда, пытались нас достать, раза два были попытки подстрелить офицеров. Но сразу подымались «Чёрные акулы», и на это место обрушивался мощный шквал огня. От взрыва, как градинки, тархтела в подвале электростанция. Возле входа в палатку стоял солдат с прибором ночного видения.

– Кто хочет посмотреть на голую, – пять рублей, а так – двадцать. За прибор – десять рублей. Без него ничего не увидите, потому что свет тушится, когда кто-нибудь входит...

Жгучее любопытство толкнуло меня к нему.

– На тебе пятёрку, делец! Пользуешься тем, что годами баб не видели...

Солдат сунул деньги в карман и жестом указал на лоскут, вырезанный ножом в виде треугольника на палатке. Я поднял его и увидел сдвинутые две койки. На одной из них лежа-

ла укрытая одеялом женщина. Виднелись лишь ступни ног и безучастно смотревшее невидящими глазами в потолок лицо.

– Ты что, архаровец, обманывать? Она же укрытая. Какой же это стриптиз?

– Сейчас. Ася, сними одеяло! – крикнул он, откинув лоскуток.

– Патруль! – прошептал кто-то в этот момент.

Послышался топот ног. Мигом мы шмыгнули в свою палатку... Ещё секунда, и мы, раздетые, в постели. Мимо протопали. Через несколько минут послышался женский голос:

– Пустите, куда вы меня ведёте?

– Иди, иди, она ещё спрашивает... Тут люди военные, а ты что затеяла?

– Вас не спросила.

– А надо бы, – засмеялся один из патрульных.

Шаги стихли.

– Сволочи! – ругнулся кто-то из обстрелянных. – Не люблю этих надсмотрщиков. Как работать или воевать, так их нет. Не дали с женщиной побаловаться. Стуканул, верно, кто-то.

– Вряд ли. Просто патрулировали и случайно застали. Хотя, может, и стуканули. Галопом к нам неслись! Вот такие, как этот, и стуканули.

Все посмотрели на Ванюшу.

– Что я, дурак, что ли? Я не стукач, но сам не могу так.

– А что, война – это, по-твоему, по-человечески? Эх ты, глаза у тебя, как у невинной девицы... Придёт время, злость в них появится, – убеждённо проговорил обстрелянный.

Эти пересуды так расстроили Ваню, что весь вечер он лежал хмурый, молчаливый, уставившись в потолок палатки. Я подсел к нему.

– Что такой пасмурный?

– С вами не до веселья, – процедил он сквозь зубы. – Побежали, как кобели на собачьей свадьбе. И ты тоже... Мучительно мне что-то.

– Ближко к сердцу не бери, – успокаивал я его. – Неизвестно, что ещё будет. А война всё спешет. Да и кто знает, что нас ждёт в будущем, – оправдывался я.

– Нет, мне эта девичья невинность действует на нервы! – вскочил обстрелянный сержант.

Он подскочил к койке:

– Ты нас здесь не держи за подонков! Мне эта война осточертела. Я на ней лицо потерял. Думал: спешут, домой отправят. Разок смерти в глаза посмотрел. Хватит. Но ненасытному молоху войны крови моей хочется. А мне домой бы – жену увидеть, детей к груди прижать...

От смертельной бледности на его лице отчётливо проступили бугорками шрамы. Левая скула дёргалась. Я встал, подошёл к нему.

– Успокойся, Виктор! – Взял я его за плечи.

– А что? – Он сразу как-то сник, упал на свою койку лицом

в подушку.

Все долго не спали, ворочались. Наконец Ваня спросил:

– Куда же они её теперь? Себе, что ли, предназначили или отпустят?

– Нет, для тебя наряжать в фату невесты будут, чтоб ты на ней женился, – насмешливо отозвался кто-то.

Все заржали.

– А ты правда женщин ещё не любил?

– Я из деревни, у нас нравы другие. Да и батя у меня был строгий, – охотно заговорил Ваня.

– Значит, батя вам помешал? Наверное, с хворостиной за вами бегал...

Хохот.

– Почему? У нас можно и до женитьбы любить, если отец с матерью разрешат, – неожиданно сказал Ваня, по-видимому, чтобы снять напряжение.

– Как так?

– А так. Он спросит разрешение у матери, и всё. Та у отца.

– А что же она не спросила разрешения? Может, не хотела любить тебя?

– Нет, она тоже томилась. Девушка она здоровая, цветущая...

– А в чём же дело?

– Да дело во мне.

– Что, не можешь?

– Нет. Нашкодил я немного в его силках. В тайге зайчиш-

ку из петли вытащил, уж больно он пищал и бился – попал шеей и лапкой в петлю, ну я его и освободил, отпустил, жалко стало. А он узнал. Думал, что я его украл.

– А как он это мог узнать?

– Охотник, следопыт. След снегом ещё не замело. Валенки у меня, полстусшки, были прибиты деревянными гвоздями по краям и крестиками по центру. Он запомнил это. Потом пришёл я к ним в дом. И надо же тому случиться: от подошвы отвалилась снеговая наледь. Я ушел с Варей, а он осмотрел наледь и сразу догадался, кто то сделал. У нас в деревне строго насчёт воровства, и сколько я ни объяснял ему, что отпустил зайчишку, – как об стенку горох, не поверил...

Все внимательно слушали Ваню, и каждый вспоминал свой дом, семью, любимых. А на другой день приключилось несчастье – подбили самолёт. Упал он в горах. Наш вооружённый до зубов взвод посадили на «мирный» вертолёт, сопровождаемый двумя «чёрными акулами». Высадили возле глубокого каньона, внизу которого бурным потоком текла река. Извиваясь в одном месте, она омывала такую крутизну, что от высоты кружилась голова, но в другом месте берег был пологий. У истоков этой реки находилась деревня, куда и послали полвзвода поискать лётчика. Когда нашли разбитый и сгоревший самолёт, то недалеко лежал развёрнутый парашют. Значит, лётчик жив. Над нами крутились два вертолётта, выпуская тепловые, светящиеся, словно серо-белые ленты, дипольные отражатели. И сразу подымались вверх. Этот

«танец», казалось, был бесконечным. Боялись «стингеров» – американских переносных зенитно-ракетных комплексов. А мы стояли у берега и ждали, когда вернутся посланные люди, чтоб идти дальше в горы. Нас предупреждали: могут встретиться мины, растяжки; в движении быть осторожными.

В деревне вдруг раздалась стрельба. Мы залегли, рассредоточились. Ребята стали обкладывать себя камнями, подтягивая их к себе сапёрными лопатками. Рыть скальный грунт было почти невозможно. На деревню, где была стрельба, стал опускаться «мирный» вертолёт. Вдруг сквозь его гул мы слышали крики внизу, в бурлящем потоке. Любопытство заставило нас забыть об опасности, и мы поползли к обрыву. И увидели что-то невероятное: над поверхностью воды была видна женская голова. Все лежали, свесив головы, и смотрели, как поток её несёт к нам, чтоб ударить о скалы.

– Назад, окопаться! – заорал командир.

«Мирный» вертолёт, летевший над рекой, стал разворачиваться. И в дверном проёме мы увидели автоматчика. Из ствола вырывалось лезвие пламени. Недалеко от плывущей женщины вырастал частокол всплесков от пуль. Вдруг Ваня произнёс:

– Убьёт, гад, женщину! – И наш тихий Ванюша, который чуть ли не зубами цеплялся когда-то за лестницу парашютной вышки, оставив автомат и скатку, прыгнул вниз.

Мы видели, как он летел, кувыркаясь и растопырив ноги и руки. Затем неожиданно крутнулся, вытянулся и свечой

вошёл в воду. По-видимому, в деревне он всё-таки прыгал с берега в речку. Вынырнул и, сильными взмахами рук сопротивляясь течению, поджидал несущуюся к нему женщину. Она буквально повисла на нём. Он нырнул, утащив её за собой. Вынырнули они уже в стороне от нас. Поток несёт их на ту сторону, к пологому берегу реки. Вертолёт, можно сказать, в пике устремился туда же. Мы видели, как Ваня на руках вынес женщину на берег, положил и стал ждать, пока её, бесчувственную, не загрузили в вертолёт. После этого он залез в него сам. Вертушка поднялась и опустилась в нашем расположении. Спасённую (это была не женщина, а девочка) выгрузили из вертолёта. Она без испуга, но с открытой ненавистью смотрела на солдат. Вся мокрая, в красном платье с чёрными полосами, обтягивающем её тело, она с виду была уже вполне сформировавшейся девушкой.

Неожиданно она кинулась бежать. Солдаты даже не дотронулись до автоматов. Хотя впоследствии мы узнали, что эта девчонка была в какой-то боевой группе и именно в её дворе нашли в яме лётчика. Любой солдат был вправе поступить с ней как с врагом. Ваня побежал за ней, крича:

– Не надо!

Он уже догнал её и, взяв за плечо, повернул к себе, когда взорвалась граната. Мы мгновенно упали на землю. Над головой комариным писком просвистели осколки. Солдат упал на неё. Их тела содрогались, и жизнь уходила от них...

Кликушечным криком заплачет афганка-мать, зарыдает,

завоюет, вскинет руки к небу, проклиная войну. А в далёкой Сибири русская мать Ванюши встанет на колени перед ликом Христа Спасителя и, каменея сердцем, будет смотреть на него. Подойдёт отец со скорбным лицом, положит руку ей на плечо и скажет:

– Мать, ты поплачь, легче будет...

Поднимет её, обессиленную, прижмёт к груди, и зарыдаёт она, согретая теплом и участием мужа. И будет он делать привычную работу, но всё будет валиться у него из рук. Прижмётся он вспотевшим лбом к притолоке дверей, обессиленный от тоски и тяжёлых дум, и тайно всплакнет, бормоча: «Эх, Ванюша, Ванюша...» И войдёт тоска нарывчатой болью в сердце и на долгие годы поселится в нём.

А в хвосте вертолёта лежит юноша, теперь уже «Груз-200». Тело было накрыто парашютом. Ткань на лице облеглась, и были видны впадины глаз и выпирающий нос. Вдоль бортов на касках сидели солдаты (для того чтобы пуля не достала снизу) и, не глядя друг на друга, шурили глаза, смахивая тайную слезу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.